

18+

Эдуард Барсегян

ТАЙНА ПОНТИЯ ПИЛАТА

Эдуард Барсегян
Тайна Понтия Пилата

«Издательские решения»

Барсегян Э.

Тайна Понтия Пилата / Э. Барсегян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839784-4

В книге излагаются известные библейские истории, основанные на Новом Завете, где автор предлагает свое видение событий, происходивших до и после рождения Иисуса Христа. Все персонажи являются известными историческими личностями, и автор не исключает, что они были знакомы.

ISBN 978-5-44-839784-4

© Барсегян Э.
© Издательские решения

Содержание

Непорочное Зачатие	6
Падение Понтия Пилата	15
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тайна Понтия Пилата

Эдуард Барсегян

© Эдуард Барсегян, 2019

ISBN 978-5-4483-9784-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Непорочное Зачатие

Неожиданно пошел дождь. Пилат, стоявший под тенью акации, посмотрел вверх. Ярко светило солнце и не было на небе ни облачка. С этим странным явлением он столкнулся впервые. Как человек любознательный от природы, он стал присматриваться более внимательно и обнаружил, скорее, дымку, чем облако. «Видимо, оно иссякло, пока капли долетели до земли», – подумал он.

Дождь прекратился быстрее, чем начался. Пилат даже обиделся. Правда, не понятно на кого. Он был молод, поэтому не был лишен заманчивой романтики и писал стихи, хотя этим мало кого удивишь: в этом возрасте их пишут почти все образованные люди. Он хотел отбросить смешную для себя мысль, что этот странный порыв дождя что-то означает, но не смог.

Возможно, не будь этого дождя, Пилат не придумал бы такого значения стоящей жары. В Назарете он был впервые и поэтому начал искать глазами того, кто поможет найти воду, чтобы освежиться. В жару трудно было надеяться встретить на улице людей. Разве что, детей! И действительно, он увидел невдалеке мальчишек, играющих в непонятную игру. Он окликнул их. Они тут же прекратили свое занятие, поскольку все время исподтишка наблюдали за ним. Еще бы! Новый человек в городе, да еще римлянин! Пилат помахал им рукой, чтобы они подошли к нему. Дети перекинулись фразами между собой и, наконец, старший из них мальчик неуверенно подошел.

– Не бойся, – сказал ему Пилат, – Как тебя звать?

– А чего мне бояться? – несколько дерзко ответил он, – Никодим.

– А меня Пилат, – и протянул ему руку. Видно было, что юноша был польщен этим. Они пожали друг другу руки.

– Никодим, можешь мне помочь и отвести к какому-либо водоему? Я не привык к такой жаре.

– А здесь недалеко есть родник! – Никодим с готовностью откликнулся на его просьбу, и они вместе пошли куда-то на окраину городка.

Действительно, идти пришлось недолго. У родника стояла девушка, набиравшая воду в кувшин. Пилат с Никодимом подошли к ней со спины. Услышав шаги, девушка обернулась.

Избалованный женщинами, искушенный в премудростях секса, прошедший школу разврата Рима, Пилат был ошеломлен ее красотой и смотрел на нее, как истинный девственник. Все, что до сих пор он знал о женщинах, потеряло всякий смысл. Такую красоту невозможно было придумать. Это нежно-божественное лицо принадлежало то ли девочке, то ли девушке, то ли очень молодой женщине. Эту путаницу вносил ее взгляд, где было все как-то перемешено: и ребенок, и женщина!

Что касается тела, то хотя оно и было укрыто каким-то балахоном, скрыть его формы не представлялось возможным, и когда она наклонилась за кувшином с водой, Пилат разглядел ее грудь вплоть до соска. Он оперся невольно на Никодима, ибо в теле появилась незнакомая слабость.

Она ушла, больше не взглянув на него. А балахон выдавал свое содержимое больше, чем, если бы его не существовало вообще. Почему-то, Пилат вспомнил тот странный дождь.

В маленьком Назарете, скорее похожем на деревню, чем на город, появление римлян не могло не вызвать любопытства, тем более, еще девочки, которая кроме окружающей нищеты ничего и не видела. Она даже не понимала сокрушающей силы своей красоты, поскольку росла вместе со своим телом, знала его и ничего необычного для себя в этом не видела. Интерес к ней римлянина не мог оставить ее равнодушной. Она успела это не заметить – а почувствовать. Властность в поведении незнакомца привлекала.

В Иудею Пилат приехал с двумя друзьями по поручению Рима. В этой провинции Империи в последнее время все чаще возникали беспорядки, связанные с националистическими настроениями населения, и им было дано задание оценить реальную обстановку в этой области. Свою работу они уже завершили, и в Назарет попали по пути домой, в Рим.

Хотя и не было в Назарете достойного для их положения места ночлега, Пилат уговорил друзей остаться на ночь, нарушая строгое предписание Рима не ночевать в местах, где нет римского гарнизона. Марцелл и Луций, приехавшие с Пилатом, нашли некое подобие постоянного двора, и все трое поселились там на ночь. Купив еды и вина, они сели отмечать свой приезд в новое место. Настроение у друзей было хорошее, и Пилат рассказал им о своей случайной встрече с девушкой необыкновенной красоты. Ироничный Марцелл тут же заявил:

– А это всегда так: когда долгое время не имеешь женщину, они все красивы!

– Не стану спорить, Марцелл! – ответил Пилат, – Но она действительно очень красива.

– И, разумеется, еврейка! – сказал Луций.

– Что с того? – возразил Пилат. – В Торе описано много красавиц, и все они были еврейками.

– Не знаю! – сказал Луций. – Я бы не решился иметь дело с еврейкой, какой бы красивой она не была.

– А я бы не отказался! – ухмыльнулся Марцелл. – У девушек есть много лакомых мест, и меня не интересует их происхождение.

– Луций! – обратился к нему Пилат. – Готов поспорить с тобой, что перед ее красотой ты не устоишь. Мне кажется, такая красота не имеет национальной принадлежности. В мире людей есть несколько абсолютных понятий, которые не зависят от своих создателей, и одно из них – красота.

– Вечно тебя тянет на философию, Пилат! – сказал Марцелл. – Все гораздо проще: девушка есть девушка! Молоденькие – они всегда соблазнительны. Разумеется, я исключаю для себя явных уродин.

– А не кажется ли тебе, Марцелл, что ты противоречишь самому себе? – спросил Луций. – Если тебя не устраивают уродины, значит, ты не безразличен к внешности?

– Как всегда, ты меня хочешь на чем-то поймать! – ответил Марцелл Луцию. – Ты прекрасно понял, что я имею в виду.

– Марцелл! – вспыхнул Пилат. – Ты что, не понимаешь, что он просто подтрунивает над тобой? Каждый раз ты попадаешься на его уловку.

– Какая это уловка? – не согласился Марцелл. – Он просто ничего не смыслит в женщинах. Ты что, Луций, перед тем, как тащить девушку в постель, спрашиваешь ее национальность? Думаю, тебя волнует совершенно другие качества в ней.

– Чего бы ты там не говорил, а к еврейке я бы не притронулся! – убежденно ответил Луций.

– Это что, после нашей поездки по Иудее, или ты всегда так относишься к евреям? – спросил Пилат.

– Разумеется, всегда!

– Ты так относишься ко всем народам, входящих в Империю, или только к евреям?

– Да, именно к евреям! – ответил Луций. – Это у меня со времен учебы, когда мы изучали Тору. Читая ее, было впечатление, будто мир создан ими и принадлежит им. И сейчас, находясь под нашим покровительством, выражают недовольство и утверждают, что эта земля принадлежит им.

Это неблагодарный народ. Как они повели себя в Египте? Если помните, вначале фараон возвеличивает Иосифа, и благодаря этому евреи в течение нескольких веков стали составлять немалую часть египетского населения, при этом, живя не хуже египтян. Затем фараоном был возвеличен Моисей, который стал обладать огромной властью в Египте. Но этого Моисею пока-

залось мало, и он стал постепенно приобщать к власти своих соплеменников. Разумеется, египтянам это не понравилось, и они их просто выгнали из Египта. Правда, потом евреи стали утверждать, что сами ушли. Это как? Оставили свои дома, и ушли добровольно в пустыню? Не верю я в это!

– Ты куда клонишь, Луций? – включился в разговор Марцелл. – Хочешь сказать, что эта земля не принадлежит евреям?

– Я ничего не хочу сказать, Марцелл! – ответил Луций. – Прочти заново Тору, если позабыл. Чем занялся Моисей в поисках земли обетованной? Начал покорять другие народы, отнимая у тех землю. Забыл, с какой жестокостью Иисус Навин, его верный полководец, уничтожил Иерихон? Кстати, оставил в живых лишь предательницу Раав, и это весьма показательно!

– Наконец-то я понял, почему Луций не любит евреек! – засмеялся Пилат, уводя друзей в другое русло разговора. – Так бы сразу и сказал! Не стану спорить, и предлагаю просто выпить за красивых женщин!

– Пилат, ты, как всегда, прав! – поддержал его Марцелл. – Разговор, все равно, в конечном счете, переходит к женским прелестям, как бы он не начинался.

– Все же вино обладает чудодейственной силой! – присоединился Луций. – Уговорили: пью за красавиц!

Закончив трапезу, вино и споры, друзья улеглись спать. Луций и Марцелл уснули быстро и соревновались друг с другом в храпе. Пилат тоже лег в постель, но мысли о девушке у колодца не давали ему уснуть.

Пилат оделся и вышел во двор. У него не было никакого плана. Он понимал всю тщету своих помыслов, скорее, нереальных надежд, связанных с незнакомкой, и стал рассуждать: «А ведь Луций прав: кроме нашего социального неравенства, она еще и еврейка! Да и сам я всегда евреев не только ненавидел, но даже питал определенную брезгливость к ним. Но как тогда объяснить этот конфликт, когда красота еврейки привела меня к безумству? Вот она суть лживости! В человеческой природе не существует силы большей, чем сила красоты! Это не требует доказательств, ибо их слишком много. Львинная доля всех войн в истории человечества принадлежала борьбе за обладание красотой женщины. И это справедливо!» Такое объяснение самому себе его удовлетворило.

Наступила ночь, и Пилат, взглянув наверх, восхитился безлунным небом.

«Какие звезды! Наверно, нет ничего более могущественного, чем вид неба. Надо чаще смотреть наверх, чтобы меньше делать ошибок!» – подумал он и вспомнил свое стихотворение, написанное несколько лет тому назад:

Какие звезды падают с небес!
Но говорят, что это чья-то смерть...
Тогда звезда моя уж на подлете.
Какое счастье умирать при всех!

Какие звезды падают с небес!
Их красоту затмить не может смерть.
И, оставляя след на небосводе,
Они принадлежат влюбленным,
Как и медь – «на счастье» брошенная —
В чистом водоеме.
И эти звезды невозможно счесть!

Это стихотворение было написано, когда он находился на грани жизни и смерти. Семпрония, его первая любовь, была в восторге от этих строк.

Время перевалило за полночь, и Пилат решил вернуться в постель, но заметил, что в гостиницу зашли несколько человек. Это его насторожило: «Еще бы! В стране, где считают тебя оккупантом, трудно рассчитывать на уважение».

Через некоторое время незнакомцы поспешно вышли во двор, что вызвало у Пилата еще большую обеспокоенность за судьбу друзей.

«Что ж, не все инструкции глупы!» – подумал Пилат, вспомнив предписания Рима.

Возвращаться в гостиницу было опасно. Но что делать? Положение казалось совершенно безвыходным. Города он не знал, знакомых не было, а при себе имел лишь кинжал, все остальное осталось в комнате гостиницы. Он не был трусом, да и прошел хорошую школу военного искусства и не раз участвовал в сражениях, но сейчас ему необходимо было принять хладнокровное решение.

Пилат правильно оценил сложившуюся ситуацию. В первую очередь необходимо было попытаться выбраться из города незаметно. С одной стороны, темнота помогала, с другой – было трудно найти нужное направление. И тут он заметил, как уже не раз, что когда он оказывался в критическом положении, его мозг вел себя неадекватно ситуации. В голове стали бродить его первые бесхитростные стихи, связанные с первой любовью, порожденные поведением Семпронии:

Возьми меня!
Не надо при свечах...
Закрой глаза, мне стыдно.
Непристойно
Свой силуэт девичий распластать
На жестком мху.
Как сладострастно больно!

Что это означало? Ответа не было. Да он его и не искал. Он искал дорогу к спасению. На его стороне было и то, что люди рано ложились, и в это время крепко спали.

Наконец-то добравшись до окраины города, Пилат, вдалеке, увидел отблески огня. Видимо, это были пастухи. И на этом фоне отчетливо выделялась женская фигура.

Это была Она! Ей не спалось. Эти завуалированные ухаживания роскошно одетого красавца не могли не всколыхнуть все ее нутро. Страшная штука нищета! Разве может быть совместима красота с нищетой? Красота рвется к жизни, создает жизнь, управляет ею! Поэтому, пусть даже подсознательно, она ринулась на запах богатства.

Они встретились. Положение, в котором они находились, эмоционально их поменяло местами: она была дома, а он опасался за свою жизнь. Девушка не выразила никакого удивления по поводу его внезапного появления и, не сказав ни слова, взяла его за руку и повела куда-то прочь от города. Он послушно шел за ней, доверившись ее уверенной молчаливости.

Они пришли к воде, к месту, где их свела судьба. Чуть поодаль от источника воды была поляна, поросшая дикими цветами. Дойдя до центра поляны, они остановились. Девушка приблизилась к нему вплотную и, глядя ему в глаза неотрывно, стала осторожно снимать с него одежду. Затем ее взгляд стал изучать его лицо: лоб, брови, усы, губы, подбородок. И улыбнулась. Он был ошеломлен этой улыбкой, обнажившей безупречно красивые зубы. И губы! Что выражала эта улыбка? Он не понимал, кто перед ним: невинная девушка, развратная девица или опытная проститутка.

Девушка, рукой нащупав шрам от удара саблей, которая едва не лишила его жизни, прикоснулась к нему губами. Когда она сняла все, что было на нем из одежды, балахон, державшийся на ней, как живое существо, ожидавшее команды, спал к ступеням ее ног. Пилат был

настолько опьянен происходящим, что потерял всякую волю к какому-либо самостоятельному действию как мужчина.

Девственные большие груди с четко выраженными ареалами вокруг набухших сосков, и талия, переходящая в округлые формы, и чуть припухлый животик с выглядывающим пупком, и соблазнительные колени, и вся нагота ее, были перед его глазами. Весь этот фантастический образ девочки в ночи прикрывали ее густые длинные волосы, что придавало ему еще большую сексуальность. Он был во власти этой божественной красоты.

Интуитивно это понимая, она, совершенно естественным образом, взяла в руки его восхищенный жезл и повела за собой к воде. Со стороны это выглядело весьма комично, но он и не помышлял сопротивляться. Добравшись до родника, она намочила свои волосы и стала ими его натирать. Тут он впервые попытался предпринять какие-то действия и хотел прикоснуться к ее груди, но получил сильнейший удар по щеке. Затем она продолжила этот необычный процесс купания, и в ней стал проглядываться образ не девочки, а матери.

Видела ли раньше она обнаженного мужчину? Известно ли было хоть что-то об интимных отношениях между мужчиной и женщиной? Но разве учат этому растения, насекомых, птиц, животных?

Закончив ритуал омовения, она, вся в капельках воды, пошла в сторону ждущего их ложа. Он, молча, шел за ней. Дойдя до места, она повернулась к нему и протянула руки. Он приблизился к ней и она, обвив его шею руками, прильнула к его рту. Вначале была некоторая неумелость в ее поцелуе, а затем все более и более она завоевывала его рот. И он почувствовал пьянящий вкус ее слюны и запах, исходящий от всего ее существа. Запах! Во всем живом мире – это самый мощный источник предзнаменования любви.

Он может свести с ума. Запах Самки!

Но это был другой запах. Это был запах Девственницы. Он другой, он более тонок и неповторим. И у каждой он свой, единственный. А она своим сильным вкусным ртом и языком как будто пыталась что-то найти в его губах и за ними. Куда делся его богатый опыт общения с женщинами? А его и не было! Ибо Бог создал единственный эталон Женщины, и она сейчас была с ним. Но он не мог знать о последствиях этой встречи – что после нее не может быть другой!

Она, эта девочка, властвовала над ним, и ему это нравилось. Он чувствовал, как ее грудь – своими твердыми большими сосками – будто живет самостоятельной жизнью и ищет на его груди упоения. Их соски, встречаясь, вели свою игру. И тут, оторвавшись от его рта, она схватила обеими руками его голову за волосы и потянула ее вниз, заставив его встать на колени, и властно прижала к своему бархатному лобку.

Он невольно оперся на ее ягодицы, обхватив их чуть выше талии, и попытался отодвинуть свое лицо от лобка, так как стало трудно дышать, ибо у нее оказались неожиданно сильные руки. Но она знала, чего хотела! И он прильнул к этим губам! Это был шок: его потянуло туда, этот запах его привел в неистовство. И эти губы отвечали ему. Они были такими же влажными и жадными, как ее рот. И он уже не видел между ними различия. Она стояла над ним, запрокинув голову, и направляя его голову в нужное ей русло.

Когда его язык прошелся по ее возбужденному клитору, напоминающий небольшой член, она уже не выпускала его головы от этого места. Через некоторое время он услышал ее стон, постепенно переходящий в крик. Он не представлял, что этот чувственный голос может действовать столь возбуждающе! Но внезапно она оттолкнула его, и он упал навзничь.

Она села на его живот и, смотревшие на него груди, казалось, просили ласки. Возможно, так оно и было, и он потянулся к ним. И опять получил пощечину. Тут что-то не сходилось! Она завела его ладони за его голову, и он уставился в небо. Постепенно она стало скользить по его животу в сторону лежащих на траве ног, и уперлась в его гордость. Движением головы она откинула за спину волосы и подняла к небу руки, при этом медленно приподымаясь над ним.

И два, уже самостоятельных существа, отделенных от него и от нее, стали искать друг друга. В один момент ему показалось, что им нужна помощь и вытащил руку из-под головы, но она приложила палец к своим губам, как бы приглашая к молчанию, и он вновь посмотрел на небо.

Наконец, они встретились! Девушка вздрогнула. Он невольно подвинулся ей навстречу. Но она встала вновь во всем своем великолепии, перешагнула через его ноги и легла животом на землю, уложив груди на его бедра. И, глядя ему в глаза, взяла обеими руками его великолепный и по красоте, и по размеру, и по твердости фаллос, и стала его нежно целовать.

Это был Ритуал. Ритуал перехода из пространства Девственности в пространство Женщины! Эти два непересекающихся пространства разделяло неуловимое мгновение, в котором главную роль исполнял Его Величество Фаллос. И в ее глазах он впервые увидел покорность.

В биологическом смысле девственность совершенно бесполезна. Но Бог ничего не создал зря. И, давая человеку разум, он одновременно придал ему и глубокое по содержанию состояние девственности. Ибо понятие нравственности доступно лишь человеку. А следующим пространством Женщины будет Материнство.

Всего этого девушка не могла знать. Ею управляла женская суть, заложенная в нее при рождении. Доведя своими поцелуями его до блаженства, она, не выпуская из рук свое чудо, стала взбираться на него, при этом медленно опускаясь над ним на колени, готовясь к долгожданной встрече двух существ, которые, казалось, жили своей жизнью.

Наконец, все было готово. Она вновь откинула свои длинные волосы за спину, которые легли ему на колени, подняла руки и лицо к звездному небу. Такое небо бывает только высоко в горах, когда звезды кажутся просто огромными. И это было божественным подарком, ибо свершался акт, который навсегда останется Тайной.

Пилат смотрел на это совершенно фантастическое видение в лице неземной девушки. Он все глубже погружался в нее, и неожиданно резко она опустилась, и он пронзил ее, как ей показалось, до самого мозга. Но не было даже возгласа. Он увидел ее перекошенное гримасой лицо с прикушенной нижней губой, и трудно было понять, это результат боли или блаженства.

В этот самый момент они увидели целую гроздь падающих звезд, ниспосланных Богом.

Закинув обе руки за голову, сидя прочно на его ногах, она медленно, а затем ускоряя темп, начала круговые движения. Это походило на танец живота. Глядя на ее выгнутую спину, двигающуюся в танце, и ощущая запах, исходящий от ее тела, Пилат на мгновение почувствовал себя посторонним наблюдателем. Доведенная танцем до оргазма, она кричала и не могла остановить эту бешеную пляску.

В другом случае, он давно бы сдался, но она заставляла его вновь и вновь приходить в себя. Она была сильнее него, стояла над ним и повелевала им, всем его существом. Он был рабом, он был инструментом, и он не имел права на желания! Она была Богиней. Она припадала к его губам, шее, груди, плечам и впивалась в них своими безупречными зубами, оставляя кровавые следы. И желала еще и еще.

Затем она перевернулась на спину, увлекая его за собой, при этом, ни на мгновение, не выпуская его из себя, и требовала прекращения этой бешеной скачки. И каждый новый ее крик приводил его в восторг. Она упорно не хотела выпускать его из себя, и каким-то акробатическим образом заставила его оказаться позади себя, при этом встав на четвереньки.

Перед ним открылся потрясающий по красоте вид. Он увидел изгиб ее спины и талии, длинную шею с повернутой головой, лежащей на ее руках, которые обнимали траву и цветы. Ухватившись за ее бедра, он стоял за ней на коленях, и здесь инициатива перешла к нему. По старому опыту, он знал, что эта поза наиболее возбуждающе действовала на женщин. А перед ним была уже женщина!

И вновь он довел ее до оргазма, но на этот раз за криком последовало полное расслабление, и они вместе упали и растворились в полевых цветах. Прижавшись, она обняла его, и на их

лицах было полное умиротворение. Потом она встала над ним, и он заметил, что по ее бедру стекает алая кровь. Проследив за его взглядом, она тоже это увидела. Жестом, она попросила его подняться. Приблизив его к себе, и, глядя на него снизу вверх, она пальцами правой руки провела по этой струйке и этой кровью намазала его губы и впиалась зубами в его нижнюю губу. Из его губы пошла кровь. И их крови смешались.

После этого, она снова встала на четвереньки, и послушно стала ждать его. Возможно, она хотела передать власть мужчине? Он вновь вошел в свое царство и почувствовал себя хозяином. Она возбудилась мгновенно. Через некоторое время он вышел из нее и осторожно стал возвращаться, но чуть выше. Она была возбуждена и не сразу поняла перемены.

Неожиданно она почувствовала боль и закричала. Но это был другой крик. Она попыталась вырваться, но он был слишком силен. Вцепившись в ее бедра, он стал со звериной яростью ее насиловать. Она кричала, вся извивалась, но это его еще больше возбуждало. В какой-то момент она перестала кричать. Она тихо стонала. Но его дикая страсть как-то передалась ей. Она признала его власть. И в ней проснулось другое чувство, совершенно необычное, и ей стала приятна эта смесь непонятных чувств и боли. Возбуждение все возрастало, и она закричала так, как ни разу до сих пор. Это был финал. Он резко вышел из нее, и она в последний раз встрепенулась.

Теперь он лежал на земле, раскинув руки и ноги по сторонам. Она сидела на согнутых коленях. В ее глазах были слезы. Боже! Почему все девушки, потеряв девственность, плачут? Возможно, это от перехода на подсознательном уровне из одного пространства в другое?

В один момент Пилату показалось, что он вздремнул. Очнувшись, он увидел, что ее нет рядом. Одежда была на своем месте, и он положил ей в карман оставшиеся случайно у него деньги.

– А что там с друзьями? С этим он разберется позже! Но где она?

Уже светало, и опускался утренний туман. Тут он увидел ее. По-прежнему, она была прекрасно обнаженной. В руках у нее было два больших букета. Каждый букет был завернут в большие листья лопуха. В одном из них были цветы, в другом – какая-то трава. Она улыбнулась и тихо села ему на живот, спиной к нему. Он чувствовал себя ее хозяином.

И тут его пронзила боль. Она левой рукой сильно сдавила его яички. Он попытался вырваться, но в ответ получил еще большую боль. Этим она заставила его подчиниться. Но это было лишь начало. В правой руке она держала большой лист лопуха, в котором была крапива, вся мокрая от росы. Она хотела его хорошенько вымыть. Это была месть! Это была пытка. Он был сокрушен.

Наконец, она сжалилась над ним: взяв букет с цветами, стала с большой нежностью очищать от жалящей крапивы опухший от экзекуции фаллос и покрывать его лепестками цветов. Со стороны это было похоже на детскую игру.

Затем он увидел приближающиеся к нему ягодицы, от его живота к груди. Это был другой ракурс. Ее чудо было перед его глазами во всей красе. И он ощутил, как она стала его целовать там, внизу. И делала это все смелее и смелее. Было удивительно, что недавняя девочка вела себя так умело и беззастенчиво.

Но это была природа. Что может быть постыдным в действиях, приводящих к созданию нового существа? Ее никто не обучал – что можно, чего нельзя. Ею управлял инстинкт, страсть. Ее губы, зубы, язык, весь рот набросились на Него. Это было умопомрачение. Уже ни он, ни она ничего не соображали. Они были в другом измерении. Два юных, прекрасных тела пытались максимально насытиться друг другом, эти тела были специально созданы для этого, и одно тело без другого теряло всякий смысл.

Это апофеоз блаженства, подаренный свыше Человеку. И в придуманной немощными людьми морали, эту красоту попытаются максимально унижить. Но невозможно унижить Прекрасное. Разве можно сравнить ту лживую застенчивость Семпронии, когда она безучастно

лежала под ним, как будто выполняла некую повинность, с той восторженной раскрепощенностью этой невероятной девушки, с ее обостренным чувством жажды к жизни, ее откровенности чувств, умению отдаваться до конца? Не это ли честность – когда ты отдаешь любимому человеку все, что имеешь, зная, что тот с благодарностью это принимает, и мечтает об этом?

Они подходили к финалу встречи, которая никогда не повторится, ни для него, ни для нее. От этих, совершенно обезумевших поцелуев, он взорвался, и все из него стало вырываться наружу, и она пыталась ничего не упустить из этого источника жизни. И все сильнее и сильнее свои прекрасным ртом она вытягивала его жизненные соки прямо из резервуаров, что стало приносить ему нестерпимую боль. Она получила все, до последней капли. Он впервые кричал. Казалось, его легкие разорвутся. Опустошенный, он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, она стояла у его ног, одетая. Едва приподнявшись, он спросил: «Как тебя звать?» «Мария», – спокойно ответила она и, повернувшись к нему спиной, пошла в сторону своего дома. Густой туман быстро поглощал ее контуры. Но даже сквозь одежду и походку проглядывалась ее незаурядная красота. Он окликнул ее по имени. Но она не остановилась. Ее уже не было видно, и он побежал в ее сторону, крича: Мария!

Когда он догнал ее, она стояла к нему лицом.

– Ты не хочешь узнать, как меня звать?

В ответ она ударила его в третий раз по щеке и исчезла в тумане. Обескураженный, он спустился к воде и умылся. Губа от ее укуса кровоточила. Сорвав пару лепестков с цветов, он приложил их к ране. В голове стали кружиться какие-то сумбурные, непонятные строчки:

Куда она ушла?
– В туман.
Куда она ушла?
– В обман.
Губам, небрежно обведенным,
Словам, всегда незавершенным,
К чему стенания Христа!
Ей не понять: она греховна,
Рожденная под знаком Овна,
Растраченная до любви...
Какие плечи!
Без причины улыбка девочки невинной.
И ложь без смысла – совершенство.
Она была чужой невестой!
И навсегда: неужто было?

Лишь одного она простила,
Того, кто первым в ее тело
Амура жезл вонзил, —
Хотелось
Разорванной быть,
С восторгом:
Еще! Сильней! Больше! Долго!
Но не бывает вечной страсти.
Забыто первое причастье.
И так проходят луны, луны,
И каждый шаг ее безумен.
И как же трудно жить красивой,

Недавней девочке игривой!

А дождь так тягостен,
Где солнце?
Расплата будет после, после...
И не расходится туман,
И не кончается обман.

«О каком Христе идет речь? Слово „христос“ означает „помазанный“, то есть благословенный с помощью окропления елеем на царствование. Откуда пришло в голову это слово, сейчас, здесь? Впрочем, мало ли что приходит в поэтическую голову» – этот ответ его устраивал.

Утренний туман быстро рассеивался. Вдалеке появились всадники. Это были Марцелл и Луций, искавшие его. Встретив их, Пилат был несказанно рад:

– Слава богу, что вы живы, друзья!

– То же самое мы можем сказать и тебе! – сказал Марцелл. – А почему, собственно, мы не должны быть живы? Исчез же ты.

– А разве к вам ночью никто не заходил? – с удивлением спросил Пилат?

– Вообще – то заходила одна красавица и спрашивала Луция, но я сказал ей, что он евреек не принимает! – пошутил Марцелл.

– Но я серьезно спрашиваю, Марцелл! – сказал Пилат. – Дело в том, что когда я вечером вышел во двор, то в дом вошли какие-то подозрительные лица и вскоре поспешно вышли. Вот я и подумал, что они пришли по ваши души.

– Да! – ответил Луций. – заглядывал один тип в нашу комнату, но увидев меня сидящим на кровати, ничего не сказав, ушел. Видимо, я перебрал вина, и меня стало тошнить; поэтому я проснулся. Я вышел во двор, но к моему удивлению, Пилат, тебя там не было. Я не стал тебя искать и пошел спать. Но утром, когда тебя вновь не оказалось на месте, мы с Марцеллом забеспокоились, но, как оказалось, зря.

– Это уж точно – зря! – рассмеялся Марцелл. – Судя по всему, он нашел ту, из-за которой нас заставил здесь ночевать.

– Я восхищен твоей проникательностью, Марцелл! – с иронией, ответил Пилат. – Да, она была восхитительна!

– Что-то я не понял, была или – нет? – допытывался Марцелл.

– А какая нам разница, Марцелл? – сказал Луций. – Главное – Пилат жив. Нам пора возвращаться, об остальном – в дороге. У нас еще будет много времени поговорить.

Никто спорить не стал, и они отправились домой, в Рим.

А как же Мария? Дома никто ничего не заметил. В своем кармане она нашла деньги: ровно тридцать сребреников. Это была стоимость одного раба Рима.

Падение Понтия Пилата

Вернувшись в Рим, Понтий Пилат занялся накопившимися делами. Обладая хорошей родословной и влиятельными друзьями, он мечтал о блестящей карьере.

Но события, произошедшие с ним в Галилее, не выходили из его головы и мешали работать. Его тянуло в Назарет, и причиной этому, очевидно, была Мария, хотя он и понимал бессмысленность поездки к ней.

Друзья, с которыми Пилат сблизился за время совместной поездки в Иерусалим, не могли не заметить его переживаний. И Марцелл, и Луций прекрасно понимали причину беспокойства Пилата и подтрунивали над ним. Пилат отшучивался от их нападок, и это у него получалось неважно. В конце концов, Пилат сдался и стал просить помощи у друзей организовать ему новую поездку в Иерусалим.

И у Марцелла, и у Луция были неплохие связи, но обосновать новую поездку в провинцию было сложно, да они и не хотели этого делать, и пытались отговорить друга от безрассудного поступка. На очередной встрече друзья решили поговорить между собой откровенно. Марцелл, как всегда, был ироничен и начал с философского подхода к теме:

– Друзья! Напомню вам изречение Гераклита: «нельзя войти в одну и ту же реку дважды». Хотя Пилат упорно скрывает свои похождения в Назарете, но по тому, как он стремится туда, понятно, что он влюбился. Так вот, дорогой Пилат, как бы хорошо тебе там ни было, это не может повториться! Поверь великому греку. Да и стоит ли повторять? Не лучше ли эти воспоминания оставить в памяти, как нечто святое? Уверяю тебя, попробуешь повторить, будет полное разочарование. Лично у меня есть правило: никогда не возвращаться в прошлое.

– Я согласен с Марцеллом в той части, что ехать не имеет смысла. Тем более что у тебя нет серьезных намерений, а встретиться с ней вряд ли удастся. Да и вообще это опасно! – заключил Луций. – Что касается «невозвращения в прошлое», я не столь категоричен.

Пилат, несколько подумав, сказал:

– Уверен, что на вашем месте я бы сказал примерно те же слова. Объективно вы правы. Но мне кажется, что, если бы все люди жили «по объективности», они ничем бы не отличались от животных. Что касается моего случая. Понимаю, что любое обоснование моих желаний и поступков будет звучать наивно и смешно. И все же скажу: как жаль, что вы не видели ее – тогда вам было бы легче меня понять. Вы знаете, что я не наивный мальчик в общении с женщинами, поэтому поверьте мне – это не женщина, а богиня! Она настолько совершенна, что, глядя на нее, я не верил, что такое возможно. Она исключительна во всем, и не только во внешнем облике. И жаль, что Луций не видел ее – тогда бы мы продолжили наш разговор о национальной принадлежности!

– Да, все гораздо серьезнее! – произнес Марцелл. – Мальчик влюбился. Время от времени, это происходит с каждым. Как же нам помочь другу, Луций?

– Рецепт прост: надо влюбиться в другую красавицу! – предложил, улыбаясь, Луций. – Кстати, у меня есть на примете одна – Юлия. Она хороша исключительно всем. Единственный недостаток – она внучка Императора. А это таит в себе больше опасности, чем поездка в Иудею.

– Луций! – поддержал друга Марцелл. – Это отличная идея. Но мне не нравится, что в случае удачи, ему придется жениться. Впрочем, такой вариант не так уж и плох. По закону, мы, все равно, обязаны обзавестись семьей, а стать родственником Императора – это прямой путь к отличной карьере. А в этом случае и нам что-то перепадет. Не так ли, Пилат?

– Должен признать, что вам неплохо удастся потешаться надо мной! – ответил Пилат. – Я хоть и незнаком с ней лично, но знаю, что она замужем за Луцием Лепидом и у них растет дочь Эмилия. Но я не в обиде на вас. Надеюсь, что когда-либо мне удастся отквитаться.

Луций возмутился:

– Пилат! Это нечестно. Мы к тебе относимся совершенно искренне, и наше предложение реально. С каких это пор ты стал таким обидчивым?

– А это свойство всех влюбленных! – сказал Марцелл. – Но Юлия действительно хороша, и не только своей молодостью, и происхождением. То, что она замужем, не отменяет ее привлекательности, а для любви не существует преград! Но как мы, Луций, познакомим Пилата с нею?

– Это просто. Я достаточно хорошо знаком с Овидием, и он часто собирает на своей усадьбе своих почитателей, где читает им свои стихи. Юлия от него в восторге и, как правило, не пропускает такое событие.

Услышав о возможности познакомиться с Овидием, Пилат с радостью откликнулся на это предложение:

– Я давно мечтал послушать Овидия и с удовольствием пойду на встречу с ним. Возможно, удастся с ним познакомиться. Что касается Юлии, то я не прочь на нее посмотреть.

– Вот и договорились! – воскликнул Марцелл. – Теперь дело за Луцием.

– Что ж, я выясню, когда будет очередная встреча у Овидия и сообщу вам. Главное – чтобы там была Юлия. Кстати, Пилат, где ты узнал такие подробности о Юлии? – спросил Луций.

– Лично для меня, главное – познакомиться с Овидием, – ответил Пилат. – Что касается Юлии, то я считаю, что человек, желающий делать карьеру в политике, обязан все знать о приближенных Императора.

– Тогда, что важнее, выясним после встречи! – заключил Марцелл, – будем ждать известий от Луция.

На этом встреча друзей завершилась, и они разошлись.

Прошло более недели, прежде чем Луций сообщил, что Овидий собирает у себя своих почитателей. Усадьба Овидия находилась недалеко от Рима, и трое друзей направились туда пешком. Овидий всех гостей принимал с радушием, видно было, что ему приятно было их внимание. Пилат много слышал об Овидии, но видел его впервые. Луций представил Пилата и Марцелла Овидию, который, после обмена любезностями, пригласил их пройти во двор своей усадьбы. Гости, пришедших послушать известного поэта, было примерно тридцать человек, в основном, была молодежь.

Овидий, начав читать стихи, быстро завоевал симпатии молодежи, тем более что в стихах было много фривольных советов влюбленным.

Пилат тоже увлекся поэтической обстановкой и невольно стал сопоставлять свои стихи со стихами, которые звучали из уст Овидия. И здесь Пилат понял, что составление рифмованных предложений – это еще не есть поэзия.

Овидий читал свои стихи почти без пауз, но неожиданно остановился и помахал кому-то рукой. Все повернули головы к входу усадьбы и увидели девушку в сопровождении двух мужчин.

– Наконец-то Вы пришли, Юлия! – воскликнул Овидий. – Что-либо случилось? Обычно перед моим выступлением мы успевали с Вами поговорить.

– Нет, мой кумир! – кокетливо ответила Юлия. – Просто с девушками иногда случаются задержки.

– Вы, как всегда, мне льстите, но мне это нравится! – ответил Овидий и жестом указал на место у столика, куда и направилась Юлия.

– Ну, как тебе Юлия? – спросил у Пилата Луций, – я могу вас познакомить.

– Почему бы и нет? – ответил Пилат, – знакомство с родственницей Императора не мешает.

– Ты хочешь сказать, что как девушка она тебя не заинтересовала? – спросил Марцелл.

– Почему же? Смотрится она неплохо. А кто эти двое, что пришли с ней? – поинтересовался Пилат.

– Она без охраны не ходит. Август очень дорожит своей внучкой, – ответил Луций.

– Друзья, что-то я вас не понимаю. Вы предлагаете мне познакомиться не только с Юлией, но и с ее телохранителями?

– А разве этого мало? – улыбаясь, сказал Марцелл. – Если между вами случится любовь, то вы найдете способы преодоления несущественных трудностей, таких, как эти охранники.

– Нет уж, увольте! – отмахнулся Пилат от предложения. – Зачем мне эти проблемы? Да еще, кроме охранников, существует муж! Но я буду признателен вам, если представите меня ей. Кстати, Овидий бросает на нас косые взгляды – мы ему явно мешаем.

– Ты прав, Пилат! – согласился Марцелл. – Поговорим позже.

Овидий читал увлеченно и часто шутил. Пилат, войдя в мир таланта Овидия, все более убеждался в своей никчемности как поэта. Время от времени Пилат смотрел на реакцию публики и удивлялся ее одухотворенным лицам.

Прошло около трех часов, как началось представление, и Овидий, поблагодарив всех, стал прощаться. Луций подошел к Овидию и попросил его разрешить ему, вместе с друзьями, остаться на некоторое время.

– Луций! – с готовностью согласился Овидий, – о чем речь? Я буду только признателен вам. Я тебе должен выдать один секрет: все поэты очень любят общение с людьми и обожают лесть!

– Тогда у меня еще одна просьба: нельзя ли, чтоб и Юлия посидела с нами? – спросил Луций.

– О, это было бы восхитительно! – ответил Овидий, и обратился к Юлии:

– Юлия, мои друзья предлагают пообщаться в узком кругу. Мы были бы рады, если б Вы к нам присоединились! – обратился Овидий к ней.

Лицо Юлии засияло от этого предложения, и она ответила:

– Вы еще спрашиваете, Овидий? Это даже нечестно, зная мое отношение к Вам.

– Как это красиво, когда людей тянет друг к другу! – улыбаясь, ответил Овидий.

Все сели за большой стол, установленный в саду под тенью деревьев. Овидий приказал прислуге принести фруктов и различных напитков.

– По праву хозяина дома, хочу представить Вам моих новых друзей, – обратился Овидий к Юлии. – Луций, Марцелл и Пилат.

– А с Луцием мы знакомы, – сказала Юлия, – нас представили друг другу на приеме во дворце моего деда.

– Действительно, это так! – подтвердил Луций. – А Марцелл и Пилат мои близкие друзья. Надеюсь, они вам тоже станут симпатичны.

– Нисколько не сомневаюсь в этом! – поддержал Луция Овидий. – У Марцелла не может быть плохих друзей, тем более, если они ценят поэзию.

– Дело не только в поэзии, – добавил Луций. – Мы недавно втроем возвратились из Иерусалима, и там был повод для проверки нашей дружбы.

– Как интересно! – по-детски воскликнула Юлия. – Расскажите, пожалуйста, что там произошло?

– Давайте мы расскажем об этом в другой раз, – включился в разговор Пилат. – Все-таки, сегодняшний день принадлежит нашему любимому поэту.

– Спасибо за признание, дорогой Пилат, но я непротив послушать рассказ о ваших приключениях, – сказал Овидий.

– А я поддерживаю позицию Пилата, – вступился за друга Марцелл. – Мы все пришли послушать Овидия. И это – главное. Вы не возражаете, Юлия?

– Ни в коем случае! – согласилась она. – Но при условии, если нам Овидий расскажет интересную историю.

– Что ж, если сама Юлия просит, я не могу возразить, – согласился Овидий. – Тогда слушайте. Поскольку среди нас всего одна девушка, я расскажу, какое сильное впечатление может оставить на мужчину странная девушка.

Это произошло много лет тому назад. Меня всегда тянуло к местам, описанным в Торе. И однажды мне это удалось, и я отправился к горе Арарат, к которой причалил Ной на своем ковчеге. Это было далекое и опасное путешествие, но те впечатления, которые я приобрел там, помогли мне в создании многих моих произведений.

Когда я прибыл в Армению, где расположен Арарат, мне посоветовали местные жители посмотреть на него издали, со стороны его северной долины. Я был потрясен его красотой и подумал тогда, что Бог, кроме всего прочего, также прекрасный архитектор. Это мнение еще более утвердилось, когда я стал подниматься на гору Арагац, находящуюся севернее Арарата.

Причиной моего восхождения на Арагац было желание лучше разглядеть Арарат. И тогда я впервые столкнулся с эффектом того, что чем выше я карабкался по склону Арагаца, тем огромнее казался Арарат. Тогда я еще более уверовал в гениальность Бога-архитектора, ибо сам Арарат менял свое лицо, в зависимости от глядящего на него солнца. Много позже я вспомнил об этом эффекте, когда сам рос как поэт и видел, и ощущал на себе, как велики Вергилий и Гораций, не говоря уже о величайших греках: как бы высоко я не поднимался, они были гораздо выше.

По мере поднятия на Арагац, горная речка, протекающая по ущелью, становилась все уже. Мне захотелось увидеть ее исток, и я спустился к речке и пошел вдоль ее берега вверх. Каково же было мое удивление, когда увидел, что речка вытекает из достаточно большого озера. Еще более меня удивило, что у озера сидел человек в большой шапке и ловил удочкой рыбу. Я решил подойти к нему, хотя не понимал, на каком языке нам придется общаться. Но эта проблема разрешилась сама собой, ибо рыбак обратился ко мне со словами: «Эй, римлянин! Какими судьбами?». Я поздоровался в ответ и поинтересовался, откуда он знает наш язык и как он узнал, что я римлянин. Он ответил, что несколько лет был в плену у римлян и нас он может узнать даже по походке.

Честно говоря, я не знал, принять этот ответ за комплимент или обиду. Мы разговорились, и он рассказал, что живет здесь в горах со своей большой семьей, подальше от людей; содержит скот и имеет пасеку. Обещал накормить уникальным медом. Я обратил его внимание на серых уток, ныряющих в озеро. Как оказалось, это перелетные птицы, и они останавливаются здесь на кормежку. Однако интереснее было другое: над озером летала одинокая чайка. Рыбак сказал, что каждую весну эта чайка прилетает сюда и живет все лето одна; другие чайки сюда не прилетают. У нее нет пары даже весной. Ближайшее место, где живут чайки, это высокогорное озеро Севан, а это маленькое озеро их не интересует. Как видно, склонность жить одному принадлежит не только некоторым людям!

Рыбак был интересный собеседник, обожающий свою землю и готовый говорить о ней, казалось, сколь угодно долго. От него я узнал, что Арагац имеет четыре вершины, но на самую высокую из них он не рекомендовал мне подниматься одному, а вот на ближайшую, южную, он даже предложил мне составить компанию. Я поблагодарил его за любезность, и мы распрощались.

До вершины я добрался довольно быстро. Отсюда Арарат сиял во всем своем снежном великолепии. Неплохой порт для ковчега!

Я решил немного отдохнуть и присел на камень. Честно говоря, я впервые поднялся на вершину горы, и вид открывшегося пространства завораживал. Но что-то мне показалось необычным, и я никак не мог понять, что именно. И вдруг меня осенило: звук! Здесь была абсолютная тишина. Ему неоткуда было появиться: ведь все источники звука остались там,

внизу. Здесь нет ни деревьев, ни ручьев. Это было похоже на некое блаженство, на красоту, о которой я не подозревал. Мне не хотелось уходить куда-либо.

Не успел я подумать о том, что мне повезло с ясным небом, как увидел, что ко мне приближается небольшое облачко, и я решил, что пора возвращаться вниз. Для меня здесь все было внове, и захотелось проследить за летящим облачком, которое все ускоряло свой полет. Наконец оно подлетело к горе и, зацепившись за нее, остановилось. Верхняя часть облачка начало наваливаться на его нижнюю часть. Создалось впечатление, будто оно стало уплотняться и уменьшаться в размере.

Мне показалось, что от высоты у меня начались галлюцинации, поскольку уплотняющееся облачко стало постепенно принимать очертание человека. В конце концов, недалеко от меня я увидел обнаженную девушку. Она была удивительно хороша, но что-то в ней смущало меня. Приглядевшись, я понял, что меня смутило: на ней не было волос, даже на голове. И еще: она была настолько белой, что казалась почти прозрачной.

На меня она не обратила никакого внимания. Возможно, просто не заметила. Немного постояв, она стала спускаться вниз. Я двинулся за ней. Дойдя до озера, она с небольшого склона нырнула в воду и долго не появлялась. Я решил, что мне все это почудилось, и хотел уже пойти дальше, вниз, когда на поверхности воды показалась ее голова. В обнаженной девушке, выходящей постепенно на берег, всегда есть что-то грациозное, а здесь ее воздушная белизна, в сочетании с прозрачной водой, придавала этому нечто нереальное.

К вечеру в горах на такой высоте всегда бывает прохладно, не говоря уже о холодной воде озера. Но девушку это совершенно не волновало. На что я еще обратил внимание, когда она вышла из воды, что на ее теле не было ни единой капли воды.

Затем девушка стала собирать полевые цветы. Я не видел раньше таких красивых синих и желтых цветов. По своему размеру они были очень маленькими и едва приподнимались над землей. Но что привело меня в восторг, так это их цвет. Это были пронзительно чистые цвета, как синий, так и желтый. Признаюсь, мне больше не приходилось видеть такого. Судя по всему, девушка тоже была к ним равнодушна. Она одновременно срывала цветы и вязала из них венки. Когда венок был готов, она надела его себе на голову; и мне показалось, что я сойду с ума от этой красоты, исходящей от ее облика.

В какой-то момент я даже устыдился, что слежу за ней, но оправдал себя тем, что она меня не замечает

А Незнакомка вошла в речку, скорее похожую на ручей, и пошла вниз, искусно обходя гладкие валуны, подобно журчащей воде под ее ногами. Я шел за ней по ущелью и вспоминал Бога не только как архитектора, но и как непревзойденного скульптора, сумевшего создать такое совершенство, как женское тело. Мне всегда хотелось описать сущность этой красоты, но так и не удалось. Более того, как мне кажется, это не удастся никому никогда, ибо так задумал хитроумный Бог!

Мы уже спустились от озера настолько, что появились кустарники и небольшие деревья, а речка все более увеличивалась в размерах, и шум ее становился все громче. Девушка находилась уже по колено в воде. Увидев на берегу цветы, похожие на колокольчики, она вышла из воды и направилась к ним. Она сорвала всего два цветочка и надела эти колокольчики на свои соски так, что хвостики оторванного цветка торчали наружу. Я приписал себе этот ее жест. «Может, она устыдилась?» – подумал я.

Какая мужская наивность! Да я для нее просто не существовал!

Здесь Овидий сделал паузу и обратился к Юлии:

– Юлия! Вам не наскучил столь длинный рассказ?

– Напротив! Очень интригующе. Продолжайте, пожалуйста.

– Благодарю! Осталось немного до финала – сказал Овидий и, подозвав слугу, дал ему какие-то указания, после чего продолжил свой рассказ:

– Должен вам сказать, что с тех пор я люблю горные реки за их динамику и неповторимость на каждом участке своего течения, где вода находит для себя замысловатые пути между камней. Я могу часами сидеть у реки и общаться с нею, как с живым существом. Возможно, к этому меня привела та девушка из облака, которая шла вниз по течению. Ее поведение было совершенно непонятно. Куда она шла, тем более что уже вечерело, а в горах быстро темнеет?

Развязка наступила совершенно неожиданным для меня образом. На одном из уступов реки, образованных огромными булыжниками, девушка остановилась и посмотрела наверх. Затем соскользнула в небольшую заводь и окунулась в нее с головой, и стала совершенно невидима для меня, хотя вода была исключительно прозрачна. Через некоторое время она медленно вышла из воды и стала вползать на водопад, образованный уступом, обнимая его своим великолепным телом. Затем она повернулась спиной к стекающей по ней воде, и я, неудержавшись, вошел в воду, оказавшись перед ней в нескольких шагах. Как ни странно, на ее голове по-прежнему был венок, а на груди, крепко ухватившись за соски, два цветка. Девушка стояла во весь рост, подняв руки над головой, и я увидел ее глаза, по цвету напоминающие ясное дневное небо. Мне показалось, что она смотрит не на меня, а сквозь меня.

Чуть позже водой был принесен большой пучок недавно скошенной травы и, зацепившись за голову, свесился на ее плечи, прикрывая грудь, и стал великолепным подобием волос. Завороженный, я смотрел на это чудо природы, которое казалось единым целым изваянием из женского тела, камней и воды. Стоя по пояс в холодной воде, я не чувствовал ее прохладу, поскольку все мое существо принадлежало этому необычному явлению. Не знаю почему, но я молчал, а она, глядя сквозь меня, стала медленно исчезать на фоне стекающей по ней воды, будто впитываясь в нее, и вскоре ее не стало совсем. Единственное, что осталось от нее – это венок и два цветка, которые медленно подплыли к моему телу. Я взял лишь эти два цветочка и вышел из воды; их я храню до сих пор. Этот эпизод из моей жизни послужил толчком для написания множества метаморфоз, взятых, как из жизни, так и из греческих сказаний.

Вот и вся история, которую я обещал рассказать.

– Овидий! – обратилась к нему Юлия. – А что было потом? Вы поднялись на Арарат?

– Нет, конечно. Зачем? – ответил Овидий. – Если б я попытался подняться на него, то его самого не увидел бы!

– Тогда, возможно, нашли бы ковчег Ноя, – предположила Юлия.

– Его многие искали, но тщетно. Мне кажется, что так и должно было быть; Ной был с большой семьей, и ему пришлось вести хозяйство заново. Так что, думаю, что для этого он использовал все, из чего был построен ковчег, и искать его там бессмысленно.

– Как жаль, что мне пора уходить! – искренне сказала Юлия. – Мне так хорошо здесь.

– Понимаю! И также сожалею, что Вы покидаете нас – сказал Овидий. – А я надеялся, что мы все вместе пообедаем и дал задание слугам приготовить барашка.

– Спасибо за все и до следующей встречи!

Попрощавшись со всеми, Юлия вместе с телохранителями, ушла.

После ухода Юлии, хозяин дома приказал слугам накрыть стол.

– Как вы заметили, друзья, я весьма уважительно отношусь к женщинам, – обратился Овидий к гостям. – Но иногда без них веселее!

– Это точно! – поддержал его Луций. – За столом я предпочитаю сидеть без них.

– А я подозреваю, что ты вообще предпочитаешь «без них» – съязвил Марцелл.

– Опять ты взялся за старую тему, Марцелл! – вступился Пилат за друга. – Чего ты хочешь, чтобы он рассказал тебе о своих женщинах?

– А почему бы, нет? – ответил Марцелл. – Какие же мы друзья, если скрываем друг от друга своих женщин. Взять хотя бы тебя, Пилат. Ты говоришь про девушку из Назарета, но скрываешь от нас главные подробности.

– Из Назарета? – удивленно спросил Овидий. – Это, кажется, недалеко от Иерусалима. Когда я путешествовал по Палестине, мне приходилось слышать про этот городок, но с чем было это связано, не помню.

– Да, это в Галилее. Не знаю, чем этот городок был знаменит, но теперь будет известен точно – там влюбился наш друг Пилат в какую-то еврейку и с тех пор пытается убедить нас, что красивее этой девушки нет в мире, и не может быть вообще! – сказал Марцелл.

Я что-то не понимаю, друзья! – возмутился Луций. – Мы начали с того, что хорошо посидеть без женщин, а разговор опять про них.

– Так потому и хорошо, что можно откровенно поговорить о них! – парировал Марцелл.

– А что, более нет интересных тем в нашем мире? – спросил Луций.

– Разумеется, есть, дорогой Луций! – ответил Марцелл. – Но когда собираются молодые люди за столом с барашком и вином, то лучшая тема – это женщины.

– Пожалуй, я соглашусь с Марцеллом, – сказал Пилат, – практика показывает, что за таким столом любая тема заканчивается разговором о прекрасных девушках. Впрочем, давайте поинтересуемся мнением Овидия, ведь он самый старший из нас.

– Мне бы не хотелось быть третейским судьей, друзья! – ответил Овидий. – Тем более что могу обидеть одного из вас. Но мне не понятна сама постановка вопроса: мы что, собрались решать какие-то проблемы? Мы можем говорить, о чем угодно. Кто, о чем захочет. Лично я ничего не понимаю ни в военном искусстве, ни в политике. Вся моя литературная деятельность обращена к любви и, как следствие, – к женщинам.

После этих слов, все четверо рассмеялись.

– Ладно, уговорили! – улыбаясь, сказал Луций. – Однако это похоже на болезнь.

– А мне нравится эта болезнь! – ответил Марцелл. – Скажу также, что мы обязаны поддерживать желание хозяина дома, и вообще, такое впечатление, что мы забыли по какому поводу мы здесь.

– Тогда договоримся так: мы полностью во власти Овидия, и он выбирает темы для разговора! – предложил Пилат.

– Принимается! – согласился Овидий. – Тогда начнем с тебя, Пилат. Так что же ты скрываешь от друзей?

– Ничего я не скрываю! – ответил Пилат. – Когда мы втроем случайно оказались в Назарете, там я познакомился с девушкой божественной красоты. Об этом я и рассказал Луцию и Марцеллу, и, думаю, нет ничего предосудительного в том, что мне вновь хочется с ней встретиться. А они требуют от меня каких-то подробностей.

– Не «они», а Марцелл! – запротестовал Луций. – Я вообще противник интимных подробностей.

– Вот ты и признался, что думаешь о существовании интимных отношений между Пилатом и той девушкой, – обрадовано сказал Марцелл, – и нечего все валить на меня. Просто, в отличие от тебя, я не скрываю свои мысли.

– А Луций, как мне кажется, прав! – сказал Овидий. – Это обязанность любого мужчины заботиться о чести девушки. Я на стороне Пилата. Если что-то и было между ними, это его право об этом не рассказывать.

– Послушайте, друзья! – вмешался в разговор Пилат. – Речь шла не о том, какие у нас могли быть отношения с этой девушкой. Я просто пытался объяснить, что она исключительно красива. И не вижу ничего неестественного, что меня тянет к этой красоте. Думаю, если бы они ее видели, речь бы шла в другом ключе.

– Действительно: в любви-страсти совершенное счастье заключается не столько в близости, сколько в последнем шаге к ней! – поддержал Пилата Овидий. – Но неужели она красивей моей девушки из облака?

– Я не имею возможности их сравнивать, но могу сказать, что у девушки из Назарета были густые красивые волосы в отличие от облачной красавицы. Моя проблема заключается в том, что я не могу достойно описать ни одну ее часть тела. Она была безупречна во всем! – ответил Пилат.

– Не вздумай ставить на вид женщине ее недостатки! – предупредил Овидий.

– Это и есть любовь, дорогой Пилат! – сказал Марцелл. – Все влюбленные склонны к преувеличениям.

– Лично мне в красоте милей простота! – добавил Овидий.

– Что ж, я сдаюсь! Против таких доводов я бессилён, – заключил Пилат.

– Очень жаль, Пилат! – возразил Овидий. – Я доверяю тебе, и ты меня заинтриговал: мне бы хотелось ее увидеть! «Божественная красота» – это мне нравится. Ради этого я непротив составить компанию Пилату и ознакомиться с этим чудом.

– Овидий! Посмотри, с какой благодарностью на тебя смотрит наш друг – сказал Луций, указывая на Пилата, – он давно ищет попутчика, который составил бы ему компанию для поездки в Назарет.

– В принципе, мы непротив, но у нас нет повода туда поехать вновь, – добавил Марцелл.

– А меня настолько заинтриговала эта девушка, что я готов посодействовать Пилату в его поездке в Галилею. Я же поэт! – воскликнул Овидий.

– К сожалению, это невозможно, – уверенно сказал Пилат.

– Ненавижу слово «невозможно». Я постараюсь организовать эту поездку. И, думаю, нам в этом поможет внучка Императора, – Овидий поднял бокал с вином и предложил выпить за здоровье Августа.

Выпив за здоровье Императора, друзья принялись за барашка, одновременно соревнуясь в искусстве произносить тосты. Вино сделало свое дело, и друзья стали клясться в вечной дружбе. Все были довольны застольем и разошлись с условием, чтобы скоро встретятся вновь.

Вернувшись после интересной встречи с друзьями домой, Пилат под впечатлением рассказа Овидия написал одним дыханием:

«Когда-нибудь, увезу тебя далеко в горы, в альпийские луга, и подарю огромное поле диких цветов, цвета твоих глаз, и ты убежишь от меня, и спрячешься в глубине этого чуда природы, и мне покажется, что ты растворилась в этих цветах, и я потерял тебя навсегда; и мне останется только начать срывать эти цветы, ища твое отражение во все увеличивающемся букете, предчувствуя в них запах твоего тела, и осящая взгляд твоих, чуть насмешливых, глаз; и, когда в моей охотке уже не будет места даже для одного цветка, я найду тебя, и ты будешь лежать под слабым дуновением ветра совершенно голая и отрешенная от всего земного, и будешь следить за бегом муравья, для которого эти цветы являются фантастическим лесом; и так вращаешь в этот мир, и представишь себя такой же маленькой, как эти букашки, теряющиеся в зарослях несравненных джунглей; и я сброшу цветы на твое тело, и мне станет стыдно, что я принес столько смерти этим, вжившимся в землю цветам, и что осмелился потревожить незащищенную красоту, и незаметно уйду».

Мария на следующий день после той восхитительной ночи вместе со своими родственниками уехала в горную деревню, где жила ее тетка Елисавета. Елисавета была гораздо старше матери Марии, и все считали ее бездетной. Но неожиданно для всех Елисавета забеременела. Естественно, это всех обрадовало и удивило. Пошли разные слухи о сверхъестественных силах и чуде. Поэтому близкие люди старались навестить пожилую беременную женщину; всех интересовали подробности случившегося. Собственно, это и явилось причиной того, что Мария оказалась у своей тетки

Марию очень обрадовала эта поездка. До сих пор, кроме Назарета, она нигде не была. Да и из дома она, практически, никуда не выходила. Жили они в одном дворе со своим женихом Иосифом, с которым по воле родителей она была обручена с детства. Это обручение было естественным продолжением их быта. Обе семьи жили бедно, но специальность плотника давала некоторую уверенность на будущее: всегда найдутся желающие заказать гроб.

Елисавета и ее муж Захария весьма обрадовались приезду Марии. Елисавета была уже на шестом месяце беременности, и приезд племянницы был для нее весьма желанным. Марии настолько понравилась новая обстановка, что она провела в деревне почти три месяца. За это время она очень сблизилась с Елисаветой, и та ей рассказала о событиях, предшествующих ее беременности. А произошло следующее.

Захария был священником из Авиевой чреды и однажды во время своей очереди отслужить службу, зашел в храм и, обо что-то споткнувшись, упал и сильно ударился головой о каменный выступ в стене. Ожидающая его паства забеспокоилась, что он медлит в храме и не выходит. Когда Захария, наконец, вышел, все поняли, что он не может говорить. Елисавета была очень опечалена этим, тем более, что из-за этого они лишались единственного заработка: священник не может быть немым.

Но, как известно, все плохо не бывает. Видимо, от сильного удара в голову Захария превратился в постели просто в одержимого. За десятки лет совместного проживания Елисавета, наконец, ощутила на себе, что такое истинный мужчина!

Это все были издержки безупречного брака, когда не с чем сравнивать – ни ему, ни ей. Их сексуальные потребности все возрастали, и они за короткое время покрыли все свои многолетние долги. Результат недолго заставил себя ждать: Елисавета забеременела. Разумеется, супруги были очень обрадованы этому событию, но чувствовали себя несколько неловко, в силу своего возраста. Да и как объяснить людям? После долгих обсуждений, Захария и Елисавета решили объявить, что все произошло по воле Бога, пославшего архангела Гавриила сообщить им об этом.

Все это Елисавета сообщила Марии под большим секретом. Мария была удивлена, что тетка рассказала ей об интимных подробностях, но, видимо, Елисавета, исходя из своего опыта, решила, что не стоит молодую девушку держать в неведении, как это случилось с ней самой. Это еще более сблизило их, и поэтому, когда Марии пришла пора возвращаться домой, произошло трудное расставание.

Мария вернулась домой и ожидала свадьбы. Она уже поняла, что беременна и не знала, что сказать по этому поводу родственникам. Тем более, после, почти трехмесячного отсутствия из дома. И она вспомнила Елисавету и архангела Гавриила. Мария подумала – чем плох Бог? И убедила не только наивного и доброго Иосифа, что было совсем просто, но и весь человеческий род в том, что существует непорочное зачатие. И женщины всех времен и народов с благодарностью восприняли эту безупречную ложь.

«Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее».
(Матф. 1: 19)

Скрыть беременность было невозможно. Строгий закон предписывал два варианта развода: либо тайный, совершаемый всего при двух свидетелях (желание Иосифа), либо явный – с торжественным объявлением и доказательством на суде. А это могло привести даже к смертному приговору. Мать Марии тщетно хотела выпытать у нее правду. Но Мария клялась, что к ней приходил тот же ангел, что и к Елисавете (благодаря чему та и забеременела) и сообщил ей, что она родит от Духа Святого. Убедить в этом богобоязненных людей было нетрудно, тем более что девочка Мария росла на их глазах, всегда была очаровательным ребенком, и было

просто грешно ее в чем-то таком подозревать. Да и где это могло произойти, когда из дому одна она никогда не выходила и находясь у тетки, она была под еще большим присмотром?

Беременность Марии переносила легко. Ее лишь беспокоила рана, нанесенная вмешательством сзади.

Встречи с Иосифом носили все более кокетливый характер. Этот деревенский парень, далекий от общения с какими-либо девушками, очень смущался при «случайном» появлении то бедра, то груди Марии. И ее смех, и откровенный взгляд, и особое внимание к нему, да и ее потрясающая красота, не могли не возыметь своего действия.

Как-то они оказались одни в овине. Она впервые положила ему на плечи руки и спросила, не сожалеет ли он, что она станет его женой? Она смотрела ему прямо в глаза. Он был исключительно смущен и только отрицательно покачал головой. Тогда она спросила, а верит ли он, что она ему не изменяла, и животик подарил ей Бог? Ее детский наивный взгляд имел столь большую притягательную, гипнотическую силу, что он мог лишь качать головой: да, да!

Она поцеловала его в губы. Он еле устоял на ногах. Но она была в этот момент и сильнее его, и на целую вечность старше. Отпустив его, она сказала, что ночью придет к нему: «Я докажу свою невинность!»

Иосиф был сокрушен. Кому из мужчин не знакомо это удивительное чувство ожидания девушки? Тем более, впервые! Время просто не хочет двигаться вперед. А эффект того, что она сама изъявила желание прийти, придает особую остроту.

Было к полуночи, но Марии все не было. Как важно знать силу воздействия ожидания! И, зная это, женщины мастерски умеют пользоваться нетерпимостью и прямолинейностью мужчин!

Наконец она пришла. Стояла полная луна, и они хорошо видели друг друга, стоя посреди комнаты. Иосиф не знал, как ему себя вести. Хорошо понимая его состояние, Мария взяла его за руку и подвела к кровати. Она попросила его обнять и поцеловать ее. Он оказался способным учеником и припал к ее вкусному рту. Затем она отодвинула его от себя и, сбросив с себя всю одежду, предстала перед ним во всей красе.

Любой мужчина, даже увидевший в тысячный раз обнаженную женщину, тем более такой красоты, испытывает трудно описываемый трепет, и это повторяется каждый раз, и на этом держится мир. Не трудно понять состояние Иосифа, неожиданно столкнувшегося с таким чудом. Он даже не подозревал, что под обычной одеждой, в которой он видел ее каждый день, кроется такое богатство. Собственно, такие же странные, глупые мысли приходят и к гораздо более искушенным мужчинам. И сколько мужчин благодарят судьбу за то, что им повезло родиться мужчинами, что давало им возможность в полной мере пользоваться этой неисчерпаемой красотой!

Мария приказала ему раздеться, что он сделал смущаясь. Она легла на спину и позвала его к себе. Иосиф неуклюже лег на нее, оказавшись между ее широко расставленными ногами. Он весь дрожал и ничего не мог с этим поделать. Она крепко припала к его рту, и он был вынужден опереться на локти, чтобы не придавить ее. Он вообще ничего не соображал. А она, левой рукой придерживая его голову, правой нашла его тугой член, и осторожно повела его в желаемом направлении: к своей плохо зажившей ране. Как ни старалась она это сделать осторожно, но не получилось, ибо он инстинктивно дернулся вперед, и оба закричали: она от боли, он – от удовольствия.

Она стала его умолять выйти осторожно. Была нестерпимая боль. Наконец, он вышел и увидел на себе кровь. Он был счастлив: она говорила правду! Ему захотелось встать, но она не разрешила и легла к нему головой на плечо. Иосиф был полностью умиротворен, и быстро уснул.

«...Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого;

Родит же Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их».

(Матф. 1. 20, 21)

Вскоре был назначен день свадьбы и начались приятные хлопоты. Все складывалось как нельзя хорошо, тем более что из деревни пришла радостная весть: Елисавета родила сына. Узнав об этом, Мария уговорила своих родителей поехать в деревню.

По существующему правилу, на восьмой день рождения ребенка, когда пришли обрезать мальчика, собралось множество родственников и соседей; поскольку случай был уникальный, все радовались за пожилую пару. Но более всего был рад отец мальчика Захария. Было видно, что эмоции переполняют его. По обычаю, ребенка должны были назвать по имени отца, но неожиданно Елисавета стала возражать и сказала, что ангел, явившийся ей во сне, дал ему имя Иоанн. Тогда обратились к Захарии, и поскольку тот не мог говорить, подали ему дощечку, чтобы он на ней написал имя ребенка. Захария написал: Иоанн! А затем, когда ему вручили плачущего ребенка на руки, он зарыдал и проговорил: спасибо, Боже! Захария не сразу понял, что ему возвратился дар речи.

После завершения всех необходимых обрядов, Мария возвратилась домой, в Назарет.

Был воскресный день, и Пилат встал с постели позже обычного распорядка. Он собирался позавтракать, когда в дверь постучали. Это его несколько удивило, поскольку к нему без предупреждения никто не приходил, тем более, с утра. Пилат, нехотя, пошел открывать дверь. Каково же было его удивление, когда он увидел Луция и Овидия.

– Доброе утро, Пилат! – сказал Луций. – Извини, что мы пришли без предупреждения, но дело весьма срочное. Это связано с твоей поездкой в Иерусалим. Овидий, как и обещал, сумел ее организовать. Впрочем, он сам тебе расскажет.

– Проходите, пожалуйста, в дом, – пригласил Пилат нежданных гостей, – я очень рад вас видеть у себя в любое время. И, честно говоря, польщен тем, что пришел сам Овидий! Для меня это более удивительно, чем девушка из облака.

– Здравствуй, дорогой Пилат! – сказал Овидий, пожимая ему руку. – Судя по всему, ты был прилежным учеником, если запомнил мои высказывания по поводу благосклонности поэтов к лести и мой рассказ о превращениях.

– Действительно, я всегда был прилежен в учебе, – ответил Пилат, – но я также всегда искренен, Овидий. Для меня большая честь принимать блистательного поэта Рима в своем доме.

– Что ж, тогда и я отвечу искренне: вы, трое друзей, мне очень симпатичны, и я предрекаю вам большое будущее, – сказал в ответ Овидий. – Если бы не эта симпатия к вам, я бы не давал обещаний по поводу поездки в Иудею.

– Неужели помогла Юлия? – удивленно спросил Пилат.

– Разумеется, нет! – ответил Овидий. – На мою просьбу откликнулся известный вам Марк Валерий Мессала Корвин. Он является большим поклонником поэзии. Возможно, после общения с Альбием Тибуллом, которому он покровительствовал. Я бы не решился к нему обратиться, если бы не чувствовал его благосклонности к моему творчеству.

– И что, он не выразил удивления по поводу такой несерьезной просьбы? – спросил Пилат.

– Напротив! Когда он узнал, что дело касается любви к красивой девушке, он был готов сам максимально поспособствовать этому. Он хоть и старик, но глаза у него блестят! Что каса-

ется организации поездки в Иерусалим, Мессала рассказал, что в свое время он выступил на заседании сената в защиту Ирода, благодаря чему тот получил трон царя Иудеи. Так что, с Иудеями его связывают хорошие воспоминания.

Мессала хотел узнать подробности о вашей любви, но я ответил, что сам толком не знаю и хочу поехать в Галилею тоже. Услышав про Галилею, он тут же вспомнил, что ее правителем является сын Ирода – Антипа.

– И что он предлагает? – спросил Пилат.

– Что конкретно – я не знаю, но ты должен зайти завтра к нему и он объяснит, что к чему. Я обрисовал тебя как молодого, подающего надежды, политика. Правда, он к этому отнесся несколько скептически, сказав, что политики влюблены лишь в себя.

– А куда и во сколько я должен подойти?

– Я тебя провожу к нему. Встречу с тобой он назначил на полдень.

– Это хорошая новость, Овидий! – сказал обрадованный Пилат. – Большое спасибо. Вот она непредсказуемость жизни: даже в мечтах я не мог предположить такой вариант, что поеду куда-то вместе с самим Овидием!

Все это время Луций лишь слушал. Видя, что Пилат получил необходимую информацию, он обратился к хозяину дома:

– Да, это действительно замечательно, Пилат! Я тоже искренне рад такому повороту событий. Извини еще раз за столь раннее вторжение. Нам пора идти.

– Нет! Я вас так просто не отпущу. Вина я предлагать не буду, а вот позавтракать со мной – убедительно прошу. Мне каждое утро приносят кувшин молока, и, думаю, вам оно понравится. И еще я вас угощу моим любимым козьим сыром. Надеюсь, вы не откажетесь разделить со мной эту скромную трапезу? – утвердительно спросил Пилат.

– Разумеется, нет! Не так ли Луций? Судя по всему, у нашего друга во всем хороший вкус. Надо взять на вооружение это правило: по утрам пить молоко! – весело сказал Овидий и первым сел за стол.

– Как жаль, что с нами нет Марцелла! – выразил сожаление Овидий. – Мне понравился этот молодой человек. У него есть хорошее чувство юмора, а это признак ума. Да и, судя по всему, его любят женщины. Это тоже важная характеристика для мужчины.

– Пожалуй, я соглашусь с этим, – сказал Луций, – как видно, в этом мире без темы о женщинах не обойтись.

– Как прятно от тебя это слушать! – обратился к Луцию Пилат. – А то я, было, подумал, что ты опять начнешь протестовать по поводу разговора о женщинах.

– Ты так ничего и не понял, Пилат! – возразил Луций. – Я, разумеется, тоже благосклонно отношусь к женщинам, но не считаю нужным об этом говорить каждый раз.

– И все же разговор о них неисчерпаем, – сказал Овидий, – они часто непредсказуемы и загадочны. Скажем, известная нам Юлия. Каждый раз, когда я с ней общаюсь, она смотрит на меня такими чарующими глазами, что я не могу понять – это отношение ко мне, лишь как к поэту, или и как к мужчине. Признаюсь, я весьма увлечен ею, но не могу позволить себе перейти некую грань в наших сложившихся добрых отношениях. Во-первых, она замужем, и, во-вторых, она внучка Императора. А в таких случаях, инициатива может исходить лишь от женщины. Более того, как мне кажется, первый шаг всегда делает женщина, правда, в неявной форме.

– Я полностью согласен с этим утверждением! – поддержал Пилат Овидия. – Если ты ей не интересен, то не имеет смысла ее добиваться. Но влюбленная девушка может творить чудеса!

– Наконец ты признался, Пилат! – обрадовался Луций. – Ты ведь говоришь о Марии, не так ли? Возможно, она не так уж и красива, как ты утверждаешь, а просто хороша была в постели?

– Слава Богу, что здесь нет Марцелла! – ответил Пилат. – Я не собираюсь рассказывать подробности о том, что было. Это не в моих правилах. А вот о ее красоте, надеюсь, расскажет позже Овидий.

– Обещаю честно все рассказать! – пафосно ответил Овидий. – С нетерпением жду нашего отъезда в Галилею.

– Я вот подумал сейчас: было бы здорово, если б удалось нам поехать туда вчетвером, – сказал Луций.

Это замечательная идея, но, к сожалению, неосуществимая. По крайней мере, сейчас, – согласился Пилат, – но у нас еще целая жизнь впереди!

– О жизни поговорим в следующий раз, – сказал Луций, вставая из-за стола, – нам пора уходить. Спасибо за угощение. Мне понравился завтрак.

– Мне тоже! – согласился Овидий. – А о жизни мы еще успеем поговорить, ведь нам предстоит долгое путешествие. Завтра встретимся у театра Помпея за час до полудня. Большое спасибо за приятную беседу!

– Это вам спасибо за все! – искренне ответил Пилат. – До завтра!

Всю ночь Пилат не мог уснуть. Мысли о завтрашней встрече с одним из самых влиятельных людей Рима и, как следствие, поездка в Назарет, где, возможно, произойдет новая встреча с Марией, не покидали его. Он думал и о приходе к нему в дом самого Овидия, что было само по себе незаурядным событием. «Как видно, Боги благоволят мне!» – сделал для себя вывод Пилат. Уснуть ему удалось лишь под утро, и то лишь на пару часов.

На встречу с Овидием он вышел пораньше, чтобы не заставлять себя ждать. Подойдя к театру Помпея, где они договорились встретиться, Пилат в уме пристыдил себя, что ни разу не был в нем, но успокоил себя мыслью, что любовь к поэзии не обязывает человека быть театралом.

Овидий пришел вовремя и, как обычно, был в хорошем расположении духа. После дружеского приветствия, он перешел к разговору о Мессале Корвине:

– Думаю, дорогой Пилат, тебе не помешают дополнительные сведения о нашем благодетеле. Учти, Мессала Корвин является одним из ближайших людей Императора Октавиана и на протяжении многих лет находится рядом с ним. Он является прекрасным оратором, и его речь в сенате в прошлом году, где он от имени всех провозгласил Августа отцом нации возвысило его еще больше. Формально, у него небольшая должность: он является куратором водопроводов Рима, но реально обладает большой властью.

Что касается готовности помочь нам, мне кажется, в нем разыгралась ностальгия к молодости, когда он находился в тех краях. Ведь одно время Мессала был наместником Сирии и находился в хороших отношениях с Иродом Великим.

Еще одна его слабость – это любовь к флоту. В свое время он даже командовал частью флота в одном из морских сражений на стороне Октавиана. Так что, в разговоре с ним можешь затронуть тему флота и, тем самым, расположишь старика к себе. В основном, думаю, этих сведений о Корвине тебе достаточно. На аудиенцию к нему пойдешь без меня, поскольку у вас будет деловой разговор. Так что, желаю удачи!

Разговаривая, Овидий и Пилат подошли к резиденции Корвина, и Пилат вошел в здание. В ожидании возвращения Пилата, Овидий решил пройтись до Палатинского холма и вернуться обратно. Он любил центр Рима и, восхищаясь его архитектурой, каждый раз находил в ней что-то новое для себя. Во время таких прогулок он всегда вглядывался в лица людей и находил в них интересные образы, сожалея иногда, что он не художник и не может запечатлеть их на полотне. Но эти лица придавали ему новые идеи в создании произведений, где он использовал свой дар поэта.

Вернувшись обратно к резиденции Корвина, Овидий обрадовался, что не заставил ждать себя, так как Пилат еще не вышел из здания. Он стал искать глазами, где можно посидеть в ожидании друга, но тут появился Пилат. Было видно, что он доволен состоявшейся встречей.

– Ну, рассказывай, как тебе Корвин? – спросил Овидий.

– Как ты и говорил – уникальный старик! – ответил весело Пилат. – От тебя он явно в восторге, и много говорил о твоём таланте. По его мнению, ты интереснее Тибулла, только жалеет, что у тебя нет своей Делии. На это я ему ответил, что у тебя еще все впереди. Тогда он тут же спросил: «А как имя той Делии, ради которой ты прилагаешь столько усилий?» Я ответил, что Мария. И, как бы вспоминая, он сказал: «Когда я был в тех краях, там каждую вторую девушку звали Марией».

Затем он изложил суть моего задания, которое я должен выполнить в Иерусалиме. Он также дал мне рекомендательное письмо для Ирода Антипы, который сейчас является правителем Галилеи.

В конце встречи Корвин сказал, что через три дня боевая галера отправляется из порта Коссы в порт Иоппия, откуда мы легко доберемся до Иерусалима. Капитана корабля зовут Марк Флавий, который принадлежит известному роду Флавиев. С капитаном уже есть договоренность, что он нас возьмет на борт.

Пожалуй, это все, – заключил Пилат.

– Что ж, у нас не так много времени на сборы! – сказал Овидий. – Надеюсь, у нас будет удачная поездка. – А теперь – по домам. Перед отъездом необходимо все привести в порядок.

Мария и Иосиф каждый вечер тайком встречались в их любимом овине. Они предавались своему занятию неистово. Фантазия любви позволяла им делать удивительные открытия, и казалось, что они неисчерпаемы. Это были и страсть, и любовь, и для молодых тел эти два понятия были неразделимы. Но постепенно чувственная сторона этих отношений стала развиваться в противоположных направлениях: если у него она шла по нарастающей страсти, то у Марии – наоборот. Это легко объяснялось тем, что в ней уже рос ребенок, который все более возмущался чьим-то вторжением в его родное лоно. Да и сама Мария стала выражать беспокойство по этому поводу, поскольку не знала, как правильно вести себя, чтобы не навредить своему дитя.

Но как бы они не скрывали свои встречи в овине, близкие люди и соседи все знали об этом, так как о таких отношениях узнают даже быстрее, чем это происходит на самом деле. Однако их никто не осуждал, и все лишь всячески старались помочь, чтобы ускорить день свадьбы. Как оказалось, подготовка к свадьбе совсем нешуточное занятие. Особенно много времени отнимали всякие мелочи, о которых вначале не думаешь. Родители невесты и жениха старались ничего не упустить, и лишь сами молодые вели себя так, будто все это их не касается. Главная забота молодых – это дожидаться вечера в овине.

Пилата и Овидия пришли провожать Луций с Марцеллом. Подойдя к пирсу, где был пришвартован военный корабль, на котором должны были отплыть друзья, они попросили одного из матросов позвать капитана. Ждать пришлось недолго, и к ним по трапу спустился молодой человек и представился:

– Капитан либурны Марк Флавий. Судя по всему, вы от Мессалы Корвина, не так ли?

– Меня зовут Овидий, – ответил капитану Овидий, пожимая ему руку, – а это Пилат, с которым мы должны отправиться в путь. Да! Действительно, мы от Корвина.

Овидий также представил капитану Луция и Марцелла. Поздоровавшись со всеми, Марк Флавий обратился к Овидию:

– Вы, конечно, понимаете, что поплывете на военном корабле, на котором обычные удобства отсутствуют вообще. Зато у нас самый быстроходный корабль в Империи, благодаря

чему мы быстро доберемся до порта назначения. Есть еще одно преимущество: вам не грозит попасть в плен к пиратам, которых здесь великое множество. Более того, наша основная задача в море – это обеспечивать безопасность судоходства наших торговых судов, и для пиратов мы являемся самой большой угрозой.

– А нам удобства и не нужны! – ответил Овидий. – Нас так даже больше устраивает, поскольку приобретем опыт плавания на военном корабле, да и будет, о чем вспоминать и рассказывать своим знакомым.

– А мы с Луцием уже завидуем вам, – сказал Марцелл, – как жаль, что мы не можем присоединиться к вам.

– Это точно! – поддержал друга Луций. – Плавание на военном корабле – мечта любого мужчины с детства. Будем надеяться, что по возвращении, Овидий с Пилатом нам расскажут про свое романтическое путешествие.

– Разумеется, расскажем! – откликнулся Пилат. – Но, думаю, это романтика будет лишь для нас, дилетантов. А для капитана – это тяжелая и опасная работа. Не так ли, Марк Флавий?

– Да, частично вы правы! – согласился капитан. – Работа не из легких, но романтика моря неисчерпаема и со временем становится похожей на неизлечимую болезнь. Уверен, вы влюбитесь не только в непредсказуемость моря, но и в наше судно. Его скорость хода обескураживает – до 12 узлов. Кстати, конструкция либурны была заимствована у пиратов, которые на своих быстроходных судах легко уходили от преследования их неповоротливыми триерами. Это преимущество либурн и бирем было вовремя оценено Агриппой, благодаря чему наш флот, в основном, сейчас оснащен ими. Разумеется, немаловажную роль для принятия такого решения сыграла битва у Акциума, когда быстроходные суда Октавиана легко расправились с флотом Антония и Клеопатры. Кстати, в этом сражении участвовал Мессала Корвин.

Подробно рассказывая об истории флота, глаза Марка Флавия выражали восторг, и было нетрудно догадаться, что он обожает свою работу. Как видно, Мессала Корвин с умыслом подобрал для друзей такого капитана. Что ж, начало путешествия обещало удачу. Пришло время отплытия и, попрощавшись с друзьями, Овидий и Пилат поднялись на борт корабля. Здесь все для них было внове. Но более всего их удивили матросы, сидящие за веслами. Это были молодые люди крупного телосложения, которых редко встретишь на улице. Их атлетический вид не мог не вызвать к себе уважения людей, далеких от флота.

Перед отплытием, Марк Флавий отправил своих гражданских пассажиров на корму. Овидий и Пилат с восхищением наблюдали за действиями матросов, которые четко выполняли команды капитана. Либурна стала напоминать живое существо, уверенно и аккуратно отходящее от берега, и было видно, сколь велика роль в этом движении ее капитана. Впечатленный этим зрелищем, Пилат подумал про себя: «Во всем необходим талант!».

Выйдя в открытое море, Марк Флавий, отдав управление кораблем своему помощнику, подошел к Овидию и Пилату.

– Вот и началось наше путешествие! – обратился он к пассажирам. – Вижу, для вас здесь много необычного, поэтому я ознакомлю вас как с кораблем, так и с некоторыми правилами в этом походе. Скажу прямо: для меня необычно присутствие гражданских лиц на военном судне. Это категорически запрещено, но Мессала Корвин весьма почитаемый человек в Риме, и его просьбы носят характер приказа. Да и люди моей фамилии имеют с ним давние связи.

– Да, действительно, непосвященному человеку трудно себе представить всю сложность управления кораблем, – ответил Овидий, – мы с Пилатом получили большое удовольствие, глядя на действия экипажа. Когда смотришь на корабль с берега, кажется, что он плывет сам по себе.

– В этом нет ничего удивительного! – улыбаясь, сказал Марк Флавий. – Думаю, если бы я сумел вникнуть в процесс создания поэтических произведений, то моя реакция на это была бы не менее восторженной.

– В этом я полностью с Вами солидарен, капитан! – согласился Пилат. – Я тоже иногда пытаюсь писать стихи, и знаю, какое это нелегкое, но завораживающее занятие. А слушая стихи Овидия, понимаю, что кроме желания, необходим еще талант, которого у меня нет. Думаю, что талант необходим в любой деятельности человека.

– Пилат, ты пишешь стихи? – удивленно спросил Овидий. – Почему до сих пор молчал? Это нечестно. Уж мне-то ты обязан был их показать.

– Честно говоря, я давно это хотел сделать, но когда впервые оказался в твоём доме и послушал тебя, то мне показалось неприличным беспокоить тебя моими дилетантскими стихами.

– Категорически не согласен! – возразил Овидий. – Во-первых, любой поэт, даже великий, нуждается в оценке своего творчества другими людьми, поскольку себя оценить всегда трудно. Во-вторых, это совершенно неважно насколько талантливо написаны стихи, поскольку для конкретного человека это является способом самовыражения, в котором он нуждается. Если не принять такого подхода к любому виду творчества, то тогда легко будет потерять гения, поскольку не всегда общество может сразу его понять и воспринять. Как правило, гении принадлежат будущим поколениям людей. Так что, дорогой Пилат, я с удовольствием послушаю твои стихи, тем более что, это поможет мне узнать тебя лучше.

– В принципе, я согласен прочесть свои стихи, но мне нужно время, чтобы уговорить себя на этот поступок, – признался Пилат.

– Что ж, у нас будет достаточно времени, пока вы доплывем до Иоппии. Не так ли, капитан? – обратился Овидий к Марку Флавию.

– Действительно, времени будет достаточно. Сколько именно – зависит от погоды. В основном, мы будем плыть вдоль берега, чтобы по ночам экипаж отдыхал и ночевал на берегу. Это очень удобно, когда на корабле нет нормальных мест для сна. В случае хорошего попутного ветра мы можем плыть и ночью, чтобы выиграть время. Что касается вас, то я предоставлю для отдыха небольшую каюту около моей капитанской. Правила на судне одно: все подчиняются мне как капитану. Таков порядок во всем флоте.

– Даже если на корабле Император? – спросил Пилат.

– Да, капитану подчиняются все без исключения. Разумеется, Император может освободить капитана от должности и назначить другого, в том числе и себя. Но капитан несет ответственность за все на корабле, – ответил Пилату Марк Флавий. – А теперь давайте пройдемся по нашей либурне. Я вас с ней познакомлю более подробно. Думаю, вам будет весьма интересно.

– С большим удовольствием и благодарностью! – с готовностью сказал Овидий.

И Марк Флавий с энтузиазмом показал гостям все судно, начиная с парусного снаряжения и кончая трюмом, попутно рассказывая о предназначении каждого устройства на корабле.

Через несколько дней, когда либурна шла под всеми парусами в открытом море, и не было видно берега, Овидий с Пилатом устроились на носу судна, получая явное удовольствие от прохлады ветра, перемешенного с каплями морской воды. Каждый из них о чем-то думал, но лица отражали полную отрешенность от всего земного. Неожиданно Овидий спросил:

– Пилат, ты помнишь, я рассказывал о своем восхождении на гору Арагац? Это было у меня дома, и я рассказал эту историю по просьбе Юлии.

– Еще бы! – ответил Пилат. – Это был один из лучших моих дней в жизни. Тогда-то я и познакомился с тобой. Да и с внучкой Императора – тоже.

– А ведь рассказ мой тогда был неполный. Глядя на это море, скажу тебе парадоксальную вещь: есть некая схожесть между морем и горами. Когда я сопоставляю свои впечатления от полученных эмоций на вершине Арагаца с теми, которые получаю сейчас, то нахожу нечто общее. Скорее всего, это чувство бескрайности и величия, веющих как от моря, так и от гор. Видимо, это и напомнило мне сейчас о прекрасной девушке из облака.

Тогда я остановился на том, что это девушка растворилась в горном водопаде. А дальше произошло следующее. Поскольку в горах начинает очень быстро темнеть, я поспешил вниз. Честно говоря, у меня раньше не было общения с горами, и я не знал, что после сумерек так быстро наступает ночь. Но мне повезло дважды: во-первых, была полная луна, во-вторых, я вдалеке увидел огни костра и направился туда. Когда я подошел близко к костру, неожиданно передо мной оказалось несколько огромных собак. Разумеется, я испугался, но тут услышал командный оклик человека и собаки спокойно меня пропустили.

Это был мой знакомый, с которым я распрощался у озера. Наша встреча оказалась весьма теплой, и не понятно было, кто больше из нас был ей рад. Я поинтересовался у него, что это за порода собак. Он ответил, что это кавказские овчарки, и они охраняют скот от нападения волков, которых в этих местах много. Я не разбираюсь в собаках, но более умных, чем эти, не представляю себе. Когда их хозяин дал им команду, что я «свой», они ко мне стали относиться как к своему давнему знакомому. Хозяин предложил мне подойти к ним и погладить. Я неуверенно подошел к ним, и они с удовольствием приняли мою ласку, несмотря на свою внешнюю свирепость и огромные размеры.

Хозяин по национальности был курдом. Звали его Кадир. У него была большая семья, и жили они в землянках на огороженной бревнами территории. Проживало на этом месте несколько семей, которые приходились друг другу родственниками. Осенью, когда выпал снег, они вместе с многочисленным скотом перебирались вниз, в деревню.

Несмотря на то, что уже стемнело, хозяин в мою честь заколол ягненка и на вертеле из деревянных прутьев приготовил над костром мясо. Более вкусной еды мне не приходилось есть. А вкусным было не только мясо. Помнишь, Пилат, когда ты у себя дома нас с Луцием угощал молоком и козьим сыром? Так вот, тогда это мне напомнило тот вечер с Кадиром. Кроме молока и сыра, меня угощали маслом из коровьего молока и разнообразной зеленью. Мой восторг от этой еды был неопишуем. А для них это была каждодневная пища. Да! Еще был обещанный мед.

Еще что мне запомнилось тогда – это большое количество детей, которые с интересом наблюдали за мной. У костра мы сидели долго, хотя это было необычно для пастуха, поскольку его день начинался с раннего утра, и ему необходимо было время на сон. За разговором я сказал Кадире, что видел девушку из облака. Как ни странно, он не удивился этому, и даже укорил меня тем, что я следил за ней. «Ты помешал встрече двух влюбленных, которая происходит раз в год!» – сказал Кадир. От этих слов мне стало как-то не по себе. Увидев мое смущение, он рассказал историю, которая произошла на северной вершине Арагаца.

По словам Кадира, северная вершина Арагаца (самая высокая из четырех) на самом пике имеет маленькую площадку. Одна из сторон площадки кончается глубоким обрывом, а остальные представляют собой крутой склон из зыбких вулканических камней. Подняться на эту площадку можно лишь по узкому проходу.

Однажды парочка молодых влюбленных поднялась на эту вершину, откуда открывалась удивительная панорама огромного пространства во главе с Араратом, и предались любви. Задумали они это сделать заранее, и для него, и для нее это произошло впервые. Несмотря на холод и лежащий вокруг снег, они обнажились и оба были очарованы телами друг друга. Их не надо было учить искусству любви, ибо любовь сама привела влюбленных к необходимому руслу. Они отдавались любви на изумительно белом снегу и не чувствовали его жгучего холода. Когда

все закончилось, и они оба поднялись со снежного покрывала, то одновременно заметили, что снег окрасился в красный цвет. Они посмотрели друг на друга и увидели, что оба в крови.

Влюбленные были наивны и не понимали, что произошло, но девушка вдруг засмузилась и зашла за небольшой выступ скалы. И тут юноша заметил, что на них надвинулось крохотное облако, и скрыло в своем тумане его возлюбленную. Это продолжалось недолго, и когда туман рассеялся, юноша окликнул ее, но она не отозвалась. Тогда он заглянул туда, куда она скрылась, но увидел лишь страшную пропасть. Тогда он посмотрел на медленно удаляющееся от него облако, и ему показалось, что она находится в нем и зовет его к себе. Юноша совершенно обезумел и бросился к своей любимой. Но он полетел не к ней, а вниз, в пропасть, а облако все быстрее уходило от него ввысь.

Говорят, Боги уважают любовь, и поэтому не оставили влюбленных без внимания. Они не дали юноше долететь до земли, а превратили его в белую чайку, и подарили им возможность встречаться один раз в год. И каждое лето они встречаются на несколько часов, превращаясь в юношу и девушку, оставаясь навечно молодыми.

Дослушав эту историю до конца, я вспомнил, что, когда следил за девушкой из облака, над моей головой все время пролетала та одинокая чайка, едва не касавшаяся моей головы. Так я невольно помешал птице превратиться на время в юношу, чтобы встретиться со своей возлюбленной.

– Какая трогательная история! А почему ты тогда ее недорассказал? – спросил Пилат у Овидия.

– Мне не хотелось огорчать Юлию. Женщины иногда странно реагируют на такие истории. Хотя, возможно, я неправ. Как знать, быть может, при следующей встрече с ней все расскажу.

– Овидий, а ты веришь в эти превращения? – спросил Пилат.

– Я не философ, а поэт, и меня интересует поэтическая сторона этих перевоплощений, и я стараюсь рассказать о самых удивительных из них. Что касается реальности перевоплощений, то обратись к трудам Эмпедокла, который более четырех веков тому назад подробно об этом повествует. Кстати, этот великий грек родился на Сицилии, мимо которой мы недавно проплыли. С творчеством Эмпедокла я познакомился, когда изучал поэзию. Так я узнал, что он не только поэт, но и философ, и идея того, что в мире ничего не исчезает, а лишь преобразуется из одного в другое, принадлежит ему. Я тоже пришел к этому. Души не умирают. Покидая прежнее местопребывание, они живут в других местах, которые вновь принимают их.

– Да, Эмпедокл был интересной личностью. Все же, он больше философ, чем поэт, хотя свои философские мысли он почему-то выдавал в поэтической форме. Но мне он больше запомнился тем, что сумел оживить женщину через месяц после того, как она перестала дышать. Такой случай всегда будоражит воображение. Мне приходилось слышать о воскрешении и потом. Возможно ли это?

– Дорогой Пилат! Я же сказал, что являюсь лишь поэтом, и тема воскрешения человека весьма популярна в литературе, я бы даже сказал, что удобна. И твой вопрос ко мне в такой форме неуместен. Поэт пользуется многими образами, и если он вздумает каждый раз задавать себе подобные вопросы, то потеряется как поэт.

Что касается Эмпедокла. А почему бы не допустить, что четыре века тому назад люди говорили друг с другом стихами? Поэтому-то и его мысли выражены в стихах! – сказал, смеясь, Овидий.

– Пожалуй, я соглашусь с тобой, Овидий. Но мне хочется, чтобы воскрешение существовало!

На этом собеседники прекратили разговор, и каждый ушел «в себя», вглядываясь в море.

За все время плавания до Иоппии встреча с пиратами произошла лишь один раз. Уже вечерело, когда с либурны заметили торговое судно, к которому быстро приближался небольшой корабль. Увидев это, капитан либурны приказал ускорить ход в направлении торгового судна. О том, что торговое судно собирались захватить пираты, стало понятно, когда корабль резко изменил курс и ушел от торгового судна в сторону берега.

Быстро догнав торговое судно, Марк Флавий спросил у его капитана про неизвестный корабль. Тот подтвердил догадку, что это были пираты и попросил у Марка Флавия сопровождения, поскольку они шли тем же курсом, что и либуерна.

Хотя и наступила ночь, Марк Флавий согласился на просьбу, поскольку была хорошая погода и дул попутный ветер, что давало основному экипажу возможность спать.

Овидий с Пилатом сидели на палубе, когда к ним подошел Марк Флавий и поинтересовался их настроением. Друзья поблагодарили за заботу, и Пилат спросил капитана, почему он не стал преследовать пиратов?

– А зачем? – задал встречный вопрос Марк Флавий. – Мы свою миссию выполнили, и торговое судно в безопасности. А гоняться за ними – пустое занятие. Все равно их всех не переловишь.

Выскажу одну крамольную мысль: от пиратов больше пользы, чем вреда. Объясню – почему. Грабя торговые суда, захваченный товар они продают населению гораздо дешевле, чем хозяева товара, поскольку им необходимо его быстро реализовать. Несут ли потери хозяева товара? Разумеется, нет, поскольку в цену продаваемого товара они заранее вносят возможные убытки. Тогда, возможно, теряет государство? И это – нет! Вы когда-либо встречали наивных сборщиков налогов? Уверю вас, они своего не упустят! Плюс ко всему, пираты и нас не оставляют без работы. Словом, от них одна польза. Единственный минус от пиратов (скорее, для них), что иногда их вешают на рее. Но и это имеет свои положительные стороны.

– Возможно, вы и правы! – ответил Пилат. – Но так можно оправдать все что угодно.

– Разумеется! Если что-то существует, значит, кто-то в этом нуждается. Как правило, при этом затрагиваются чьи-то интересы. Но так устроена вся жизнь. Думаю, трудно предложить что-то, что устраивало бы всех, ибо недовольные люди всегда найдутся.

– Слушая вас, я лишний раз убедился, что лучше быть поэтом! – заключил Овидий.

Все трое рассмеялись.

Марк Флавий оставил своих пассажиров и пошел исполнять капитанские обязанности. На небе висели на удивление большие звезды, но почему-то они не отражались в море. Овидий и Пилат, казалось, полностью потеряли интерес к общению друг с другом и смотрели куда-то вдаль.

Так продолжалось довольно долго. Первым заговорил Овидий:

– Пилат, ты обещал прочесть свои стихи.

– Думаешь, тебе это будет интересно?

– Для меня более интересного, чем стихи, в мире ничего нет. Разве что, женщины? – серьезно ответил Овидий.

И Пилат, немного подумав, продекламировал:

«Гетерой-девственницей ты в окне явилась,
И чуть поодаль, рядом с головой,
Луна округлая изгибы осветила
Двух ангелов, парящих над землей.

И в воздухе повеяло внезапно
Порывом запаха от тела и волос.

И потянуло страхом непонятным,
А страх ночной чарующе непрост...

Я так давно уже совсем немолод!
Но разве в красоте бывает стыд?
А ты не искушенье – только повод
Чуть приукрасить мой протяжный быт.

И это все! Гордыня безвозвратно
Уходит в прошлое, без всяческих обид.
А тихий звук далекого набата
Двух ангелов спугнул, как стон молитв».

Закончив читать, Пилат прокрутил в голове еще несколько своих стихов, не зная, которое из них выбрать. И решил прочесть самое интимное:

«Так быстротечно время у любви!
А я лежал, смотрел и восхищался,
Как, поглотив меня, она искала счастье,
Описывая бедрами круги.

И в такт кругам, по стенам силуэт,
Метался тенью женщины незрелой.
Ее безумству не было предела...
А я молчал восторженно в ответ.

Она творила чудеса богини,
И я, как я, не нужен был в тот час!
Я обожал ее за этот дивный транс,
За взгляд – и отрешенный, и невинный.

И время не хотело уходить,
Часы, минуты – все во мне смешалось,
Но вдруг наружу вырвалось начало...
И не было, кого благодарить!»

Пилат посмотрел на Овидия, но тот стоял на ветру и смотрел отвлеченным взглядом на невидимое в темноте море.

Наконец Овидий обратился к Пилату:

– Понимаю, ты ждешь от меня оценки, но ее не будет. Я считаю, что любое творчество не подлежит взвешиванию, ибо не существует меры. Каждый человек исключительно индивидуален, и, если он что-то творит – это есть отражение его единственности. В частности, если мы возьмем чьи-то стихи, то они всегда найдут своего ценителя, которому те будут близки.

Если мы попытаемся ввести какие-то правила и рамки в творчество, мы его тут же уничтожим. Но это не означает, что нет градаций на великих людей и не очень. Однако эту оценку дает лишь время. Помнишь, ты мне сказал, что Мессала сравнил меня с Тибуллом? Это обычный дилетантский подход политика. Как правило, политики считают себя всезнайками, и допускают возможным для себя поучать и оценивать других. Возможно, этим и сладка

власть? Поэтому я считаю, что невозможно одновременно быть и хорошим поэтом, и хорошим политиком. А ты, Пилат, как я понял, хочешь стать политиком.

– Вот и ответ на мои стихи! – без пафоса сказал Пилат. – Я это учту.

– Такое впечатление, что ты на меня обиделся! – ответил Овидий. – Но ты, видимо, не совсем поверил в то, что я высказал по этому поводу. Повторю еще раз: я не даю оценок стихам. Как другу скажу, что мне сипатичны твои стихи, и я готов познакомиться и с остальными твоими стихами.

– Спасибо, Овидий! – сказал Пилат. – Если это и произойдет, то лишь по возвращении домой. Хотя, честно говоря, не думаю, что я вообще сохраню их. Сейчас, когда я прочел одно из них истинному поэту, то понял, насколько они слабы.

– Но каков смысл сжигать уже созданное нечто? – удивился Овидий. – Допустим, что все остальное, написанное тобой, действительно не выдерживает критики. Критики – с литературной точки зрения. Но стихи пишутся сами по себе, они отражает твоё душевное состояние на конкретный жизненный момент. Для будущего – это археология твоего «я». Не ты – так твои потомки будут находить в них свои черты. Не только внешние!

Постояв еще немного на палубе, друзья спустились в каюту, чтобы уничтожить еще одну ночь.

И вот на горизонте появилась Иоппия. Чувствовалось, что у всех приподнятое настроение. Овидий с Пилатом стояли на носу либурны и любовались процессом приближения порта к ним. Овидий заговорил первым:

– Пусть сколь угодно много говорят моряки, что они не могут жить без моря, но все-таки, они всегда ждут с вожделием берег. Ты взгляни на их лица!

– Возможно, любовь к морю, со всеми невзгодами и опасностями, и определена ожиданием этого волнующего момента, что ты вновь вернулся на берег. Часто процесс ожидания какого-либо важного события куда более эмоционален, чем сам свершившийся факт, – заключил Пилат.

– Особенно, когда этот факт связан с первым свиданием! – согласился Овидий.

Либурна вошла в порт и аккуратно причалила к пирсу. Получив разрешение капитана сойти на берег, Овидий и Пилат, вместе с командой либурны, вступили на землю. Они решили попрощаться с Марком Флавием и поблагодарить его за все, чтобы потом отправиться в Иерусалим, и терпеливо ждали, когда тот подойдет к ним. Но капитан, сойдя на берег, направился в здание порта. Ждать пришлось достаточно долго. Наконец Марк Флавий, выйдя из здания порта, подошел к ним и, не дав им начать говорить, сказал:

– Господа! Мне было приказано помочь вам добраться до Иерусалима, используя возможности нашего флота. Здесь, в порту Иоппии, представительство нашего ведомства обеспечит это поручение, обращайтесь к ним. Они предоставят коней, на которых вы доберетесь до пункта назначения. Что касается обратного возвращения в Рим, то мы отплываем через 10 дней, и мне приказано вас принять на борт, если вы к этому времени закончите ваши дела. Пожалуй, это все. Было приятно с вами познакомиться. Желаю удачи!

– Большое спасибо за все! – ответил Овидий. – Надеюсь, что мы в любом случае встретимся и продолжим наше знакомство.

Мужчины пожали друг другу руки, и Марк Флавий пошел в сторону своей либурны.

– Я никогда не был военным и не стремился им стать, но мне импонирует их четкость в работе. Видимо, это качество прельщает многих молодых людей, которые стремятся на военную службу, – сказал Овидий, обращаясь к Пилату.

– Действительно, это так! – согласился Пилат. – Но не только это, а и многое другое. В частности, у них есть чувство превосходства над обычными гражданами, поскольку появляется, пусть и небольшая, но власть. Да и во время службы многие вопросы решают за тебя другие, что бывает весьма удобно. Одно из таких удобств сейчас предоставлено нам. Спасибо Мессале!

Как и было обещано Марком Флавием, командование местным гарнизоном предоставило Овидию и Пилату коней для поездки в Иерусалим. Более того, им был дан сопровождающий из римских легионеров, который обеспечивал их охрану и выполнял обязанности адъютанта. К вечеру они добрались до Иерусалима, и адъютант их привел в крепость Антония, где стоял римский гарнизон. Хотя им и предложили остановиться в крепости, Овидий с Пилатом предпочли жить в гостинице. Добравшись до желанных кроватей, оба друга, не раздеваясь, легли на них и долго молчали. После длительного путешествия, они были в состоянии, когда не хотелось ни о чем, ни думать, ни говорить. Пилат на некоторое время даже заснул. Первым задал вопрос Овидий:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.